

ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

НИЖЕГОРОДСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

ПОДПИСКА и объявленія принимаются въ Губернской Земской Управѣ

Адресъ для писемъ. Нижний-Новгородъ. Председателю Губернской Земской Управы, для Земской Газеты

Подписная цена за годъ—1 рубль для Нижегородской губернии, 2 руб.—для иногороднихъ подписчиковъ

Цена номера 5 коп.,
съ пересылкою 7 коп.

№ 4.

Этотъ номеръ содержитъ
2½ листа.

Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть подписаны авторомъ съ обозначеніемъ адреса. Въ случаѣ надобности, статьи сокращаются и исправляются. Мелкія замѣтки и сообщенія не сохраняются. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Плата за объявленія: за строку пята въ одинъ столбецъ впередъ текста—20 к., назадъ текста 10 к.

Въ память 75-лѣтія со дня смерти великаго русскаго поэта А. С. Пушкина.

(29 января 1837 г. — 9 января 1912 г.)

Знаменитая рѣчь Ф. М. Достоевскаго о Пушкинѣ, произнесенная имъ 8 июня 1880 г. въ Москвѣ въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, при открытіи памятника А. С. Пушкину.

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Тоголь. Прибавлю отъ себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нѣчто безспорно пророческое. Пушкинъ какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильного самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы, и появленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ есть пророчество и указаніе. Я дѣлю дѣятельность нашего великаго поэта на три періода. Говорю теперь не какъ литературный критикъ: касаясь творческой дѣятельности Пушкина, я хочу лишь разяснить мою мысль о пророческомъ для насъ значеніи его, и что я въ этомъ словъ разумѣю. Замѣчу, однако же, мимоходомъ, что періоды дѣятельности Пушкина не имѣютъ, кажется мнѣ, твердыхъ между собою границъ. Начало *Онѣгина*, на примѣръ, принадлежитъ, по моему, еще къ первому періоду дѣятельности поэта, а кончается *Онѣгинъ* во второмъ періодѣ,

А. С. Пушкинъ (со старинной литографіи) *).

когда Пушкинъ нашелъ уже свои идеалы въ родной землѣ, воспріялъ и возлюбилъ ихъ всецѣло своею любящею и прозорливой душой. Принято тоже говорить, что въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ подражалъ европейскимъ поэтамъ: Парни, Андре Шенье и другимъ, особенно Байрону. Да, безъ сомнѣнія, поэты Европы имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ, такъ что и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его генія. Въ подражаніяхъ никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, котор. явилъ Пушкинъ, на примѣръ, въ *Цыганахъ*—поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и о стремительности, которой не явилось бы столько, если бы онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героя поэмы *Цыганы*, сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ *Онѣгинѣ*, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отбѣдилъ того несчастнаго скитальца въ родной зем-

* Настоящій портретъ А. С. Пушкина снятъ со старинной, современной поэту литографіи, довольно хорошей работы. Литографія эта имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ портретомъ А. С. Пушкина работы Кипренскаго; на первый взглядъ они кажутся даже тождественными, но при внимательномъ разсмотрѣніи легко установить и нѣкоторую между ними разницу: въ литографіи иной поворотъ головы, иное очертаніе носа и губъ; въ выраженіи глазъ больше живости; накладка вполноту примыкаетъ къ борту сюртука и т. д.

Не придавая преувеличеннаго значенія настоящей литографіи, мы, однако, думаемъ, что она заслуживаетъ вниманія уже потому, что принадлежитъ къ числу немногихъ предметовъ, связанныхъ съ пребываніемъ поэта въ Болдинѣ и съ самымъ Болдинымъ. Литографія эта сохранилась въ семьѣ діакона с. Шутилова, луконовскаго уѣзда, нижег. губ. *Геодора Кирилловича Раевского* († 1890 г.) и передана намъ сыномъ его Андр. Фед. Раевскимъ.

Отецъ О. К. Раевского—Кириллъ Семеновичъ былъ діаконъ въ с. Болдинѣ († 1864 г.) въ то время, когда сюда пріѣзжалъ А. С. Пушкинъ, былъ лично знакомъ поэту не только, какъ духовное лицо, но и какъ человѣкъ, отличавшійся нѣкоторой начитанностью, находчивый и остроумный собесѣдникъ. Близость его къ господскому дому сказалась между прочимъ въ томъ, что жена Льва Серг. Пушкина была крестной матерью одной изъ дочерей К. С. Раевского. Вѣроятно отъ нея (если не отъ самого поэта) и былъ подаренъ на память К. С. Раевскому, благоговѣвшему передъ геніемъ Пушкина, настоящій портретъ-литографія, снимокъ съ которой нами здѣсь помѣщенъ.

О нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни поэта въ Болдинѣ, лично нами слышанныхъ отъ О. К. Раевского, мы сообщимъ особо.

лѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнуть. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго—интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ социализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнуть въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самаго, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человекъ, только въ разное время явившійся. Человекъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ русскихъ, и тогда при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи—и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безо-всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста, болѣе соответствующія нашему времени. Много, много что полиберальничаютъ „съ оттѣнкомъ европейскаго социализма“, но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ беспокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и обѣе нее крѣпко стукнулъ саблемъ. Всѣхъ въ свое время то же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь „из-

ранныхъ“, довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покая. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачь о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человекъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: „правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ, на примѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью“. И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только оторванная носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну и что же въ томъ, что, принадлежа, можетъ быть, къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазію прельститься людьми, живущими „безъ закона“, и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, „дикая женщина“, по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомыслиемъ, но страстно вѣрой бросается къ Земфирѣ: „Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ!“ И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обогрываетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не при-

Изъ произведеній А. С. Пушкина.

Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ *.

(1833).

Царь съ царицею простился,
Въ путь дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видить: вьется въюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходить,
Съ поля глазъ она не сводить.
Вотъ, въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издальца наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенія не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.
Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.

*) Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ написана Пушкинымъ въ селѣ Болдинѣ, лукояновскаго уѣзда, нижегор. губ., когда великій поэтъ въ 1833 г. посвятилъ свое имѣніе во второй разъ, пробывъ въ немъ съ 1 октября до второй половины ноября.

Намъ не приходится распространяться о большой красотѣ этой удивительной сказки, скажемъ лишь, что чѣмъ болѣе ее читаешь, тѣмъ болѣе она къ себѣ влечетъ, даруя душѣ „неизъяснимыя наслажденія“.

Таково дѣйствіе на читателя этого гениальнаго произведенія.

Правду молвить, молодца
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такого.
И женихъ сыскался ей,—
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.
На дѣвичникъ собираясь,

годился несчастный мечтатель и они выгоняют его—безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простоудшно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ:
Мы дикі, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ.

Все это, конечно, фантастично, но, „гордый-то человѣкъ“ реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить. Именно, именно чуть не по немъ, и онъ злобно растерзаетъ и казнить за свою обиду, или, что даже удобнѣе, вспомнивъ о принадлежности своей къ одному изъ четырнадцати классовъ, самъ возопіетъ, можетъ быть (ибо случилось и это), къ закону терзающему и казнящему, и призываетъ его, только бы отмщена была личная обида его. Нѣтъ, эта гениальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, „проклятаго вопроса“, по народной вѣрѣ и правдѣ: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудишься на родной нивѣ“, вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. „Не вѣй тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не вѣй тебя и не за моремъ гдѣ нибудь, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его. Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить“. Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснѣе выражено оно въ *Евгении Онегинѣ*, поэмѣ уже не фантастической, но осязательно реальной, въ которой воплощена настоящая русская жизнь съ такою творческою силой и съ такою законченностію, какой и не бывало до Пушкина, да и послѣ его, пожалуй.

Онегинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга,—непремѣнно изъ Петербурга, это несомнѣнно было необходимо въ поэмѣ и Пушкинъ не могъ упустить такой крупной реальной черты въ біографіи

своего героя. Повторяю опять, это тотъ же Алеко, особенно потому, когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?

Но теперь, въ началѣ поэмы, онъ пока еще на половинѣ фатъ и свѣтскій человѣкъ, и слишкомъ еще мало жилъ, чтобы успѣть вполне разочароваться въ жизни. Но и его уже начинается посѣщать и беспокоить

Бѣсъ благородный скуки тайной.

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины, онъ, конечно, не у себя, онъ не дома. Онъ не знаетъ, что ему тутъ дѣлать, и чувствуетъ себя, какъ бы у себя-же въ гостяхъ. Впослѣдствіи, когда онъ скитается въ тоскѣ по родной землѣ и по землямъ иностраннымъ, онъ, какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искренній, еще болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ себѣ самому чужимъ. Правда, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно, слышалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. Вѣритъ лишь въ полную невозможность какой бы то ни было работы на родной нивѣ, а на вѣрующихъ въ эту возможность,—и тогда, какъ и теперь, немногихъ—смотреть съ грустною насмѣшкой. Ленскаго онъ убилъ просто отъ хандры, почему знать, можетъ быть, отъ хандры по міровому идеалу,—это слишкомъ по нашему, это вѣроятно. Не такова Татьяна: это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онегина и, конечно, умнѣе его. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ, гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы. Можетъ быть, Пушкинъ даже лучше бы сдѣлалъ, если бы назвалъ свою поэмѣ именемъ Татьяны, а не Онегина, ибо безспорно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онегинымъ. Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* Тургенева. Но манера глядѣть свысока сдѣлала то, что Онегинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ

Вотъ, царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!
„Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою.
Вишь, какая подросла!
И не диво, что бѣла:
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше!
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ-ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
„А царевна все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.“
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сынной дѣвушкѣ своей,
Вестъ царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съдѣніе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной,

Вотъ, Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя.“
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Богъ съ тобой.“
А сама пришла домой.
„Что?“ сказала ей царица,
Гдѣ красавица-дѣвица?“
— Тамъ, въ лѣсу стоитъ, одна,
Отвѣчаетъ ей она:
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.

И молва трезвонить стала:

Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла, да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу пѣсь, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она;
На подворьѣ тишина.
Пѣсь бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо

первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей передъ нимъ съ перваго разу. Онъ не сумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законченности и совершенства и дѣйствительно, можетъ быть, принялъ ее за „нравственный эмбрионъ“. Это она-то эмбрионъ, это послѣ письма-то! ея къ Онѣгину! Если есть кто нравственный эмбрионъ въ поэмѣ, такъ это, конечно, онъ самъ, Онѣгинъ, и это безспорно. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, во образѣ знатной дамы, когда, по его же словамъ, въ письмѣ къ Татьянѣ, „постигалъ душой всѣ ея совершенства“. Но это только слова. Она прошла въ его жизни мимо него неузнанная и неоцѣненная имъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. О, если бы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, прибѣлъ туда-же изъ Англіи Чайльдъ-Гарольдъ или даже, какъ-нибудь, самъ лордъ Байронъ, и, замѣтивъ ея робкую, скромную прелесть, указалъ ему на нее, — о, Онѣгинъ тотчасъ-же былъ бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ міровыхъ страдальцахъ такъ много подчасъ лакейства духовнаго! Но этого не случилось, и искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все-таки очень честно, отправился съ міровою тоской своею и съ пролитой въ глупенькой злости кровью на рукахъ своихъ, скитаться по родинѣ, не примѣчая ея и, киня здоровьемъ и силою, восклицаетъ съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа поэтъ изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и загадочнаго еще для нея человѣка. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красотѣ и глубинѣ этихъ строкъ. Вотъ она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою загадку, и „нравственный эмбрионъ“ останавливается наконецъ въ раздумьи, со страшною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія загадки, и губы ея тихо шепчутъ:

Уже не пародія-ли онъ?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. Въ

Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его знаетъ. Кстати, кто сказалъ, что свѣтская придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что именно санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти причиною отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ, это та-же Таня, та-же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротивъ, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна. (Отъ и до)

Высказала она это именно какъ русская женщина, въ этомъ ея апофеоза. Она высказываетъ правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ея религиозныя убѣжденія, про взглядъ на таинство брака—нѣтъ,—этого я не коснусь. Но что же: потому-ли она отказалась идти за нимъ, не смотря на то, что сама-же сказала ему: „я васъ люблю“, потому-ли, что она „какъ русская женщина“ (а не южная, или не французская какая-нибудь), не способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои путы, не въ силахъ пожертвовать обаяніемъ чести, богатства, свѣтскаго своего значенія, условіями добродѣтели? Нѣтъ, русская женщина смѣла. Русская женщина смѣло пойдетъ за тѣмъ, во что повѣрять, и она доказала это. Но она „другому отдана, и будетъ вѣкъ ему вѣрна“. Кому-же, чему-же вѣрна? Какимъ это обязанностямъ? Этому-то старику-генералу, котораго она не можетъ же любить, потому что любить Онѣгина, и за котораго вышла потому только, что ее, „съ слезами заклинаній молила мать“, а въ обиженной, израненной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и никакой надежды, никакого просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ея любящему, ея уважающему и ея гордящемуся. Пусть ее „молила мать“, но вѣдь она, а не кто другая, дала согласие, она вѣдь, она сама поклялась ему быть честною женою его. Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ, и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастіи другого? Счастье не въ однихъ только наслажденіяхъ любви, а и въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ

Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалась она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяйшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ,
Имъ она не прекословитъ,
Не перечать ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „дѣвица,

И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался:
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица“.

И царевна къ нимъ сошла,
Честъ хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.

нечистый, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только, что тутъ мое счастье? Но какое-же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастіи? Позвольте, представьте, что вы сами возводите зданіе судьбы челоуѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой. И вотъ представьте себѣ тоже, что для этого необходимо и немишуемо надо замучить всего только лишь одно челоуѣческое существо, мало и того пусть даже не столь достойное, смѣшное даже на иной взглядъ существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честнаго старика, мужа молодой жены, въ любовь которой онъ вѣритъ слѣпо, хотя сердца ея не знаетъ вовсе, уважаетъ ее, гордится ею, счастливъ ею и покоенъ. И вотъ только его надо опозорить, обезчестить и замучить, и на слезахъ этого обезчещеннаго старика возвести ваше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіи? Вотъ вопросъ. И можете-ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которыхъ выстроили это зданіе, согласились-бы сами принять отъ васъ такое счастье, если въ фундаментъ его заложено страданіе, положимъ, хоть и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго и, принявъ это счастье, остаться навѣки счастливыми? Скажите, могла ли рѣшить иначе Татьяна, съ ея высокою душой, съ ея сердцемъ столько пострадавшимъ? Нѣтъ: чистая русская душа рѣшаетъ вотъ какъ: „пустъ, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмѣрно сильнѣе, чѣмъ несчастье этого старика, пусть, наконецъ, никто и никогда, а этотъ старикъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не опѣняютъ ея, но не хочу быть счастливою, загубивъ другого!“ Тутъ трагедія, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уже поздно, и вотъ Татьяна отсылаетъ Онѣгина. Скажутъ: да вѣдь несчастенъ-же и Онѣгинъ: одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тутъ другой вопросъ, и даже, можетъ быть, самый важный въ поэмѣ. Кстати, вопросъ: почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ нашей, своего рода исторію весьма характерную, а потому я и позволилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространиться. И всего характернѣе, что нравственное разрѣшеніе этого вопроса столь долго подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если-бъ умеръ ея старый мужъ и она овдо-

вѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ. Надобно-же понимать всю суть этого характера. Вѣдь она-же видитъ, кто онъ такой; вѣчный скиталецъ увидалъ вдругъ женщину, которую прежде пренебрегъ, въ новой блестящей недосыгаемой обстановкѣ, — да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвчкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь поклоняется свѣтъ, — свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя стремленія, — вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бредается къ ней ослѣпленный! Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а „счастье было такъ возможно, такъ близко!“ И какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ новой причудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную какъ и прежде Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже онъ и любитъ, что можетъ быть, онъ и никого не любитъ, несмотря на то, что такъ мучительно страдаетъ! Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія. Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не такова она вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи, что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и неизблемое, на что опирается ея душа. Это ея воспоминанія дѣтства, воспоминанія родины, деревенской глуши, въ которой началась ея смиренная, чистая жизнь, — это „крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни“. О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоценнѣе, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. И этого не мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто неизблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиною, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что есть и кто онъ такой? Не идти-же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ,

Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради.
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?“
„Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говоритъ:
Коли лгу, пусть Богъ велитъ,
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевицъ Елисей“.

Братцы молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
„Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ, поклонясь:
Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ“. — Я не сержуся,
Тихо молвила она,
И отказъ мой не вина. —
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминала,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась

И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала.
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ,
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всежъ тебя милѣй“.
И царица налетѣла
На Чернавку: „какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?“
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, кляукой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко,
Ей кричить она въ окошко;
Пригрожу сама я псу.
И кой что тебѣ спесу“.
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитятко дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Вѣдь ко мнѣ“. Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,

есть глубокія и твердыя души, которыя не могут сознательно отдать святиню свою на позоръ, хотя бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ.

И такъ, въ Онѣгину, въ этой безсмертной и недосягаемой поэмѣ своей, Пушкинъ явился великимъ народнымъ писателемъ, какъ до него никогда и никто. Онъ разомъ, самымъ мѣткимъ, самымъ прозорливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей сути, нашего верхняго надъ народомъ стоящаго общества. Отмѣтивъ типъ русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и въ наши дни, первый угадавъ его гениальнымъ чутьемъ своимъ, съ историческою судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ нашей грядущей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной и безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, Пушкинъ, и, конечно, тоже первый изъ писателей русскихъ, провелъ предъ нами въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей дѣятельности цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ русскомъ. Главная красота этихъ типовъ въ ихъ правдѣ, правдѣ безспорной и осязательной, такъ что отрицать ихъ уже нельзя, они стоятъ какъ изваянные. Еще разъ напомнимъ: говорю не какъ литературный критикъ, а потому и не стану разяснять мысль мою особенно подробнымъ литературнымъ обсужденіемъ этихъ гениальныхъ произведеній нашего поэта. О типѣ русскаго инока-лѣтописца, на примѣръ, можно было бы написать цѣлую книгу, чтобъ указать всю важность и все значеніе для насъ этого величаваго русскаго образа, отысканнаго Пушкинымъ въ русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваяннаго и поставленнаго предъ нами теперь уже навѣки въ безспорной, смиренной и величавой духовной красотѣ своей, какъ свидѣтельство того мощнаго духа Народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой правды. Типъ этотъ данъ, есть, его нельзя оспорить, сказать, что онъ выдумка, что онъ только фантазія и идеализація поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и духъ народа, его создавшій, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь, а коль вѣра, стало быть, и надежда, великая надежда за русскаго человѣка.

Въ надеждѣ славы и добра

Гляжу впередъ я безъ боязни—

сказать самъ поэтъ по другому поводу, но эти слова его можно прямо примѣнить ко всей его національной творческой дѣятельности. И никогда еще ни одинъ русскій писатель, ни прежде, ни послѣ его, не соединялся такъ задумчиво и родственно съ народомъ своимъ какъ Пушкинъ. О, у насъ есть много знатоковъ народа нашего между писателями, и такъ талантливо, такъ мѣтко и такъ любовно писавшихъ о народѣ, а между тѣмъ, если сравнить ихъ съ Пушкинымъ, то, право-же, до сихъ поръ за однимъ, много что за двумя исключеніями изъ самыхъ позднѣйшихъ послѣдователей его, это лишь „господа“, о народѣ пишущіе. У самыхъ талантливыхъ изъ нихъ, даже вотъ у этихъ двухъ исключеній, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, нѣтъ—нѣтъ, а и промелькнетъ вдругъ нѣчто высокомерное, нѣчто изъ другого быта и міра, нѣчто желающее поднять народъ до себя и осчастливить его этимъ подвигомъ. Въ Пушкинѣ же есть именно что-то сроднившееся съ народомъ *взаправду*, доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнаго умиленія. Возьмите сказаніе о Медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдицу, или припомните стихи:

Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ,

и вы поймете, что я хочу сказать.

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго прозрѣнія оставленъ нашимъ великимъ поэтомъ какъ-бы въ видѣ указанія для будущихъ грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на той-же нивѣ. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ. По крайней мѣрѣ, не проявились бы они въ такой силѣ и съ такою ясностью, несмотря даже на великія ихъ дарованія, въ какой удалось имъ выразиться впоследствии, уже въ наши дни. Но не въ поэзіи лишь одной дѣло, не въ художественномъ лишь творчествѣ: не было бы Пушкина, не опредѣлились-бы можетъ съ такою непоколебимою силой (въ какой это явилось потомъ, хотя все еще не у всѣхъ, а у очень лишь немногихъ) наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ и вѣра въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ. Этотъ под-

Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаеъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
„Видно, выпался онъ худо.
Ей царевна говорить;
На жъ, лови!“ и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
„Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!“
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хватъ—поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ“,
Старушонка сказала.
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ, и ей въ лицо
Жалко смотѣть, грозно воетъ,
Словно сердце песъ ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
„Что, Соколъ, что съ тобою?
Лягь!“ и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Вилны сѣмечки писквозъ.

Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вяругъ она, моя душа,
Пошатнулась, не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закаталися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братъ въ ту пору домой
Возвращался толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ навстрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. „Не къ добру!
Братъ молвилъ: печали
Не минуюсь.“ Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, зная, оно!
Передъ мертвою царевной
Братъ въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возсталла ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,

вигъ Пушкина особенно выясняется, если вникнуть въ то, что я называю третьимъ періодомъ его художественной дѣятельности.

Еще и еще разъ повторяю: эти періоды не имѣютъ такихъ твердыхъ границъ. Нѣкоторыя изъ произведеній даже этого третьяго періода могли, напимѣрь, явиться въ самомъ началѣ поэтической дѣятельности нашего поэта, ибо Пушкинъ былъ всегда цѣльнымъ, цѣлокупнымъ, такъ сказать, организмомъ, носившимъ въ себѣ всѣ свои зачатки разомъ, внутри себя, не воспринимая ихъ извнѣ. Внѣшность только будила въ немъ то, что было уже заключено во глубинѣ души его. Но организмъ этотъ развивался, и періоды этого развитія дѣйствительно можно обозначить и отмѣтить, въ каждомъ изъ нихъ, его особый характеръ и постепенность вырожденія одного періода изъ другого. Такимъ образомъ къ третьему періоду можно отнести тотъ разрядъ его произведеній, въ которыхъ преимущественно засіяли идеи всемірныя, отразились поэтические образы другихъ народовъ и воплотились ихъ геніи. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній явились уже послѣ смерти Пушкина. И въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи—Шекспировъ, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира, его итальянцы, напимѣрь, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность. Вотъ сцены изъ *Фауста*, вотъ *Скупой рыцарь* и бал-

лада *Жизль на свѣтѣ рыцарь бѣдный*. Перечтите *Донъ-Жуана*, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокие, фантастическіе образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы*! Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго генія, его плачь, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой—

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора,—но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересиарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрачнымъ и не преборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ, вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ, самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили. Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ, религіозными же строфы изъ Корана или „Подражанія Корану“: развѣ тутъ не мусульманитъ, развѣ это не самый духъ Корана и мечъ его, проглаголанная величавость вѣры и грозная красивая сила ея? А вотъ и древній міръ, вотъ *Египетскія Ночи*, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него болѣе, ставшіе впрямь уединенными богами и обезумѣвшіе въ отъединеніи своемъ, въ предсмертной скукѣ своей и тоскѣ тѣшащіе себя фантастическими звѣрствами, сладострастіемъ насѣкомыхъ, сладострастіемъ пауковой самки, съдающей своего самца. Нѣтъ, положительно скажу, не было поэта съ такою всемірою отзывчивостью.

Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградил;
И предъ мертвою сестрой,
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: „спи во гробъ;
Вдругъ погасла, жертвой злѣбъ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному.“

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ;
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.“

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мулрентъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.

„Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу,водишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.“—Свѣтъ ты мой,
Красно солнце отвѣчало:
Я царевны не видало.
Знать, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.

Темной ночи Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
„Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тѣмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.“—Братецъ мой,
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала. „Какъ обидно!“
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
„Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай;
Не печалься же, прощай.“

какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а, по нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемирности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось во очю? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ производить ее, т. е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ, но впоследствии, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влакло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высокую цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ,—ощутивъ эту цѣль, опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однакоже и непосредственно и вполнѣ жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая пре-

имущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извѣнять и примѣрять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и склонность нашу, намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго аріискаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значить только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго аріискаго племени такъ же дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемирность, и не мечемъ приобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ, какъ не служила Европѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобы отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впоследствии, я вѣрю въ это, мы, т. е., конечно, не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до одинаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстѣ въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ-концовъ, можетъ быть, и изрѣчь окончательное Слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, зывая:
Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного;
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея.—Постой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тѣмъ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста.—

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хотъ разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный.
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вкругъ

Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
„Какъ же долго я спала!“
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тѣмъ несетъ
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубятъ уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: „Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.“
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повсрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

А. С. Пушкинъ.

нашего великаго генія, эту именно идею въ художественной силѣ своей воплощавшаго. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: „это намъ-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Эго намъ-то предназначено въ человечествѣ высказать новое слово?“. Что-же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изо всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ благословляя Христосъ“. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его? Да и самъ Онъ не въ ясляхъ-ли родился? Повторяю: по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и на всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ-же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей, какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творествѣ, онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль естѣ фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться. Если бы жилъ онъ дольше, можетъ быть, явилъ-бы безсмертные и великіе образы души русской, уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ-бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе чѣмъ теперь, можетъ быть, успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремлений нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ чѣмъ теперь, стали бы насъ предугадывать, перестали-бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомерно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было-бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ*).

Θ. М. Достоевскій.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ перукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! весь я не умру! душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пійтъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степеней калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приѣми равнодушно
И не оспаривай глупца.

А. С. Пушкинъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, величайшій изъ русскихъ поэтовъ, родился 26-го мая 1799 года, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, въ Москвѣ, на Молчановкѣ, отъ брака отставнаго гвардіи капитанъ-поручика Сергѣя Львовича Пушкина съ дѣвицею Надеждою Осиповною Ганнибалъ, внучкою извѣстнаго арапа Петра Великаго и племянницею генералъ-аншефа Авраама Петровича Ганнибала, героя Наварина и основателя Херсона. Пушкины ведутъ свой родъ отъ мужа честна Радши, выѣхавшаго въ Новгородъ изъ Пруссіи, въ княженіе Александра Ярославовича Невскаго. Въ числѣ предковъ Пушкина было трое бояръ и четверо окольничихъ. Изъ всѣхъ своихъ предковъ, А. С. Пушкинъ уважалъ всѣхъ болѣе своего родоначальника по прямой линіи, боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ и скончавшагося въ званіи оружейничьяго и нижегородскаго намѣстника, въ 1656 году. Восприемникомъ новорожденнаго Пушкина былъ графъ

А. И. Воронцовъ. Вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ, будущій поэтъ былъ перевезенъ своими родителями на другую квартиру, въ домъ княжонъ Щербатовыхъ, что у Яузскаго моста. Здѣсь-то провелъ Пушкинъ свои младенческіе годы, подъ надзоромъ молодой матери, старухи-бабушки, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, женщины стариннаго русскаго воспитанья, и старой няни, знаменитой Арины Родіоновны, вынянчившей все новое поколѣніе семьи Пушкиныхъ. „Родіоновна“, говоритъ П. В. Анненковъ, „принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположения къ молодости съ притворною строгостью, оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, а передавала она его чрезвычайно-оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны“. Въ доказательство того, что въ приведенномъ отрывкѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго, и что все сказанное о горячей любви Пушкина къ своей старой нянѣ не идеализація, помѣщаемъ, вслѣдъ за приведенной выпиской, эти задушевные строки, вылившіяся у Пушкина при чтеніи письма, полученнаго имъ отъ Арины Родіоновны:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣнятъ твою всечасно грудь...

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, какъ равно и родной его дядя, поэтъ Василій Львовичъ—Пушкины, были люди умные и даже хорошо образованные для своего времени; но, къ сожалѣнію, образованіе это было—чисто свѣтское. Сергѣй Львовичъ былъ душой великосвѣтскаго общества, въ которомъ блисталъ остроуміемъ и другими талантами, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимало умѣнье наполнять альбомы московскихъ дамъ и дѣвицъ французскими стихами собственной работы. Втягиваясь все болѣе и болѣе въ свѣтскую жизнь, онъ сталъ скоро тяготиться жизнью домашней и кончилъ тѣмъ, что предоставилъ все хозяйство, а съ нимъ и воспитаніе дѣтей, въ полное распоряженіе жены. Началось воспитаніе. Бабушка, Марья Алексѣевна, взялась за указку—и очень скоро выучила будущаго поэта читать и писать по русски, послѣ чего передала его для дальнѣйшихъ занятій русскимъ языкомъ какому-то Шиллеру. Затѣмъ, Пушкинъ попалъ въ руки разныхъ французовъ, старавшихся заставить его позабыть, что онъ русскій. Впрочемъ, они не воплотъ въ этомъ успѣли, такъ какъ ребенокъ оказался далеко не изъ числа воспримчивыхъ и бойкихъ. По свидѣтельству сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны Павлицевой, будущій поэтъ лѣтъ до семи былъ очень молчаливъ и не обнаруживалъ ничего особеннаго, и даже приводилъ мать въ совершенное отчаяніе своею неповоротливостью. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ, гувернеры таки-поставили на своемъ: не стѣмѣвъ возбудить въ мальчикѣ охоту къ ученію, они пристрастили его къ чтенію. Чтеніе это, какъ водится, началось съ Плутарха, „Илліады“ и „Одиссеи“, въ переводѣ Битобе, и завершилось французскими классиками XVII вѣка и произведеніями философовъ послѣдующаго столѣтія. Но и эти усиленные классныя занятія не воплотъ удовлетворяли молодого Пушкина—и онъ тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и тамъ просиживалъ ночи, погруженный въ чтеніе всевозможныхъ книгъ, попадавшихъ ему подъ руку. Первая попытка къ сочинительству, къ которому вообще склонны всѣ дѣти, пристрастившіяся къ чтенію, обнаружилась у Пушкина очень рано и, притомъ, на французскомъ языкѣ, который онъ зналъ въ то время лучше русскаго. Изъ французскихъ стиховъ, написанныхъ имъ въ это время, дошла до насъ всего одна эпиграмма, вызванная неудачею на домашней сценѣ его собственной комедіи „L'Escamoteur“ („Похититель“), заимствованной у Мольера и освищенной сестрой поэта, представившей публику:

Dis moi, pourquoi „L'Escamoteur“
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Между-тѣмъ, наступилъ 1811 годъ, ознаменованный открытіемъ Царскосельскаго лицея, куда долженъ былъ вступить и мо-

* Настоящая рѣчь Θ. М. Достоевскаго является лучшимъ, что когда-либо произнеслось о Пушкинѣ.
Кн. А. З.

лодой Пушкинъ, въ числѣ тѣхъ тридцати воспитанниковъ, изъ которыхъ, по первоначальному проекту, долженъ былъ состоять весь Лицей. Отвезенный въ Петербургъ дядей, Василиемъ Львовичемъ, Пушкинъ 12-го августа 1811 года выдержалъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, приемный экзаменъ и былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея. „Учебная жизнь молодого Пушкина не была блестяща“, говоритъ г. Анненковъ въ своихъ „Материалахъ для біографіи Пушкина“. „При обширной, почти изумительной памяти, ему не доставало продолжительныхъ, ровныхъ усилий вниманія. Къ тому же, въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ приобрѣлъ... Замѣчательно, что въ Лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень скоро, какъ-будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны обнаруживалось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой—расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно за превосходное знаніе французскаго языка; но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и заборному мальчику, и выводилъ иногда самого Пушкина изъ терпѣнія. Только немногіе знали—и въ томъ числѣ Дельвигъ—его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности“. Изъ всѣхъ предметовъ, преподававшихся въ заведеніи, Пушкина привлекали только исторія и литературы французская и русская, между которыми онъ и дѣлилъ все свое время. Что же касается поэзіи, то вмѣсто французскихъ, онъ сталъ писать русскіе стихи, далеко превосходившіе первые, что можно видѣть хотя изъ слѣдующаго отрывка:

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы—
Все спало въ сумракѣ ночномъ...
Она внимательные взоры
Воцѣла съ ужасомъ кругомъ...

Это стихотвореніе, обошедшее всю Россію въ рукописи и въ видѣ текста къ плохой московской литографіи, изображающей дѣвицу съ младенцемъ на рукахъ и съ развѣвающимися по вѣтру волосами и платьемъ, принадлежитъ къ 1814 году: слѣдовательно автору не было и пятнадцати лѣтъ, когда онъ написалъ это очень и очень недурное стихотвореніе.

Первымъ русскимъ стихотвореніемъ Пушкина, написаннымъ еще въ бытность его въ Лицеѣ и дошедшимъ до насъ, надо считать „Посланіе къ сестрѣ“, а первымъ напечатаннымъ—„Къ другу-стихотворцу“, появившееся въ 13-мъ номерѣ „Вѣстника Европы“ на 1814 годъ. На публичномъ экзаменѣ Лицея, въ 1815 году, шестнадцатилѣтній Пушкинъ привелъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ прекраснымъ стихотвореніемъ: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, причемъ Державинъ, вставъ съ мѣста, склонилъ передъ нимъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять его, но потерявшійся поэтъ скрылся—и тщетно искали его вездѣ. Затѣмъ 9-го іюня 1817 года совершился первый выпускъ воспитанниковъ Лицея, удостоенный присутствія Императора Александра I, причемъ Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе „Безвѣріе“, заслужившее общія похвалы.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ съ жадностью накинута на удовольствія столичной жизни: онъ усердно посѣщалъ общество, не пропускалъ ни одного спектакля, ни одного бала и литературнаго собранія, ни одного гулянья, и, при всемъ томъ, находилъ время для литературныхъ занятій. Такъ, въ концѣ 1817 года онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ стихотвореній, изъ которыхъ посланіе „Къ Жуковскому“ причисляется къ лучшимъ его произведеніямъ; а въ началѣ 1818 года онъ уже читалъ на литературныхъ вечерахъ у Жуковскаго первыя пѣсни своей первой поэмы „Русланъ и Людмила“, планъ которой былъ созданъ имъ еще въ Лицеѣ.

По прочтеніи Пушкинымъ послѣдней пѣсни своей первой поэмы, въ концѣ 1819 года, восхищенный Жуковский подарилъ ему свой литографированный портретъ съ слѣдующею надписью: „Ученику-Побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя, въ высоко-торжественный день окончанія „Руслана и Людмилы““. Поэма была издана въ 1820 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ, сочиненіе А. Пушкина“, съ слѣдующимъ прелестнымъ посвященіемъ „Красавицамъ“:

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицъ,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривый!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,

Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ-быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

Появленіе „Руслана и Людмилы“ было встрѣчено съ восторгомъ публикой и большинствомъ литературныхъ знаменитостей того времени: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Батюшковымъ, княземъ Вяземскимъ и другими; но нашлись и такіе, которые отнеслись къ поэмѣ съ недоумѣніемъ, увидѣвъ въ ней униженіе поэзіи и поправленіе достоинства литературы, въ чемъ, впрочемъ, упрекали и преобразованія Карамзина, совершенныя имъ, незадолго передъ тѣмъ, въ русскомъ языкѣ и словесности. Къ числу недовольныхъ новой поэмой присоединился и И. И. Дмитріевъ. Критика пришла въ совершенный ужасъ отъ введенія сказочнаго русскаго міра въ область поэзіи. „Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ“, говоритъ критикъ „Вѣстника Европы“ (1820, № XI), „возникающій посреди океана російской словесности! Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова; просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе „Еруслану Лазаревичу“. Выписавъ далѣе сцену Руслана съ богатырской головою, критикъ восклицаетъ: „Но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бороною, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: „здорово ребята!“ неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться?... Зачѣмъ допускать, чтобъ плоскія шутки старины снова появлялись между нами?“ Но всѣ эти возгласы остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Пушкинъ даже не счелъ нужнымъ отвѣчать на эти курьезныя нападки своихъ литературныхъ недоброжелателей, до такой степени они были не основательны и не шли къ дѣлу. „Главная причина, что я не отвѣчалъ моимъ критикамъ“, говоритъ Пушкинъ въ своихъ „Запискахъ“, „была—лѣнь. Мнѣ также было совѣстно, для опроверженій, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ, оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе, важно говорить: Et moi je vous soutiens, que mes vers sont très bons“.

Но вотъ насталъ роковой для Пушкина 1820 годъ, и буря, долго носившаяся надъ его горячей головой, разразилась, наконецъ, надъ злополучнымъ поэтомъ съ страшнымъ шумомъ и трескомъ. Только благодаря заступничеству Карамзина, Милорадовича и Ангельгардта, Пушкинъ не былъ преданъ суду, и все дѣло ограничилось высылкою поэта изъ столицы, съ переводомъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, въ Екатеринославль. „Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга“, говоритъ г. Анненковъ, „были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому, что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже, къ счастью, неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непременно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства“. Короче—причиной всей суматохи была ода „Вольность“ и нѣсколько другихъ стихотвореній, написанныхъ въ томъ же родѣ, и то, что Пушкинъ открыто показывалъ своимъ сосѣдямъ въ театрѣ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго.

Четыре года, проведенные Пушкинымъ на югѣ Россіи, прошли въ непрерывномъ кочеваньи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Екатеринославль, Пушкинъ заболѣлъ и, спустя двѣ недѣли, отправился, съ семействомъ генерала Раевского, къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Созерцаніе суровыхъ красотъ Кавказа навели его на мысль написать поэму изъ быта тамошнихъ горцевъ, которую онъ и привелъ въ исполненіе спустя годъ, написавъ „Кавказскаго Пльнника“. Возвращаясь назадъ, черезъ Тамань и Керчь, Пушкинъ объѣхалъ часть Крыма, и, очарованный чудными видами южнаго его берега и вдохновленный классическими воспоминаніями, связанными съ нимъ, написалъ нѣсколько прелестныхъ антологическихъ стихотвореній, въ томъ числѣ: „Нереиду“ и „Доридъ“ и элегію „Погасло дневное свѣтило“, извѣстную каждому грамотному человѣку въ Россіи. Обзоръ же ханскаго дворца въ Бахчисарай далъ Пушкину мысль написать свою прелестную поэму „Бахчисарайскій Фонтанъ“, которая и была имъ написана, два года спустя, въ Кишиневѣ и потомъ отпечатана въ 1824 году въ Москвѣ. Тогда же, въ 1822 году, былъ написанъ имъ и раз-

сказъ въ стихахъ: „Братья разбойники“, задуманный подъ впечатлѣніемъ, видѣннаго имъ самимъ, побѣга двухъ арестантовъ изъ екатеринославскаго острога, причемъ преступники спасались вплавъ въ кандалахъ черезъ Днѣпръ. Эта небольшая поэма была напечатана въ первый разъ въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 годъ, а въ 1827 году вышла въ Москвѣ отдѣльной книжкой, въ двухъ изданіяхъ.

Конечъ 1820 года и начало 1821 г. Пушкинъ провелъ въ постоянныхъ переѣздахъ между Кишеневымъ, новымъ мѣстомъ его службы, и Каменкой, кievскимъ имѣніемъ Раевскихъ. Къ этому времени относится, между прочимъ, известное стихотвореніе Пушкина: „Черная шаль“, обязанное своимъ происхожденіемъ одной молдаванской пѣснѣ и облетѣвшее всю Россію, подобно „Тройкѣ“ и „Красному сарафану“. Перечитывая стихотворенія, написанныя имъ около этого времени, нельзя не замѣтить быстрого возрастанія поэтическаго генія Пушкина. Въ Кишиневѣ были написаны тѣ высоко-художественныя лирическія произведенія, въ которыхъ Пушкинъ является передъ нами уже во всеоружіи своего могучаго таланта. Къ числу такихъ произведенийъ принадлежатъ: „Муза“, „Чаадаеву“, „Къ Овидію“, „Наполеонъ“, „Діонея“, „Примѣты“, „Дѣва“, „Желаніе“ и „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“. Здѣсь же, въ Бесарабіи, началъ онъ своего „Евгенія Онѣгина“ и задумалъ поэму „Цыганы“, поводомъ къ которой послужила случайная встрѣча его съ цыганскимъ таборомъ, въ которомъ онъ прожилъ нѣсколько дней дикой жизнью кочевого племени. Воспоминаніе объ этомъ кочеваніи по бесарабскимъ степямъ Пушкинъ сохранилъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ эпилога къ „Цыганамъ“, не попавшемъ въ печать:

За ихъ дѣливыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣней радостные гулы—
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

По переѣздѣ въ Одессу, куда онъ былъ переведенъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1823 года, на службу, съ подчиненіемъ новому начальнику, графу М. С. Воронцову, Пушкинъ съ жаромъ принялся за продолженіе своего „Евгенія Онѣгина“—и 22-го октября 1823 года первая глава романа, начатая въ маѣ въ Бесарабіи, была окончена въ Одессѣ, причемъ осенній мѣсяцъ имѣлъ тутъ свое значеніе. „Извѣстно“, говоритъ П. В. Анненковъ, „что осень была временемъ особеннаго развитія его творческой дѣятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствіе, равновѣсіе всѣхъ силъ, необыкновенную бодрость мысли. На сѣверѣ онъ радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и свѣтлой, какъ предательницы, которая влечетъ къ прогулкамъ и разсѣянности. Южная осень съ ея чистымъ небомъ и освѣжительно-теплымъ воздухомъ заставляла его прибѣгать къ хитрости. Онъ вставалъ рано и, не покидая постели, писалъ нѣсколько часовъ безъ отдыха“. Такимъ образомъ, осенью 1823 года были написаны первые три главы „Онѣгина“, а зимой слѣдующаго года начаты „Цыганы“. Что же касается лирическихъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, то они отличаются совсѣмъ другимъ колоритомъ. Прежнія спокойныя и величественныя произведенія уступили мѣсто такимъ, какъ, на примѣръ: „Ненастный день потухъ“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Коварность“ и другія, исполненными страстныхъ порывовъ, сомнѣнья и ревности. Впрочемъ, и въ это, тяжкое для сердца поэта, время, онъ освобождался иногда отъ бремени пожиравшей его страсти и проявлялъ свой геній въ такихъ чудныхъ созданіяхъ, какъ „Демонъ“, „Птичка“ и „Сѣятель“.

Между-тѣмъ неудовольствія, возникшія между графомъ Воронцовымъ и Пушкинымъ, по поводу стихотворенія послѣдняго („Полу-милордъ, полу-невѣжда“), приняты такой оборотъ, что Александру Сергѣевичу уже невозможно было оставаться на службѣ въ Одессѣ, и—волей, неволей—надо было съ ней разстаться. Въ началѣ осени 1824 года Пушкинъ простился съ югомъ Россіи своимъ превосходнымъ стихотвореніемъ „Къ морю“, въ которомъ, между-прочимъ, сказалъ послѣднее „прости“ и *властителю своихъ думъ*—Вайрону, воздавъ ему при этомъ послѣднюю свою повалу. Прибывъ въ Михайловское, псковское имѣніе матери, въ которомъ ему приказано было жить до дальнѣйшаго распоряженія, и, распростившись съ отцомъ, котораго засталъ еще въ деревнѣ, Пушкинъ основался въ одной изъ комнатъ запущеннаго дома—и сталъ жить безотрадною жизнью затворника, сожалѣя о потерянной свободѣ и развлекаясь чтеніемъ новѣйшихъ классиковъ и поэзіею; а когда тоска совершенно овладѣвала имъ, онъ уходилъ въ бильярдную и тамъ, съ самаго утра до поздняго вечера, играя на бильярдѣ тупымъ кіемъ въ два шара, самъ съ

собою, или бесѣдовалъ съ старухой няней. Впрочемъ, посѣщеніе друзей, приѣзжавшихъ изъ Петербурга, знакомство съ семействомъ П. А. Осиповой, жившей по сосѣдству, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Михайловскаго и, въ особенности, постоянный трудъ осенней поэтической дѣятельности—все это, взятое вмѣстѣ, вскорѣ благотѣльно подѣйствовало на пылкаго поэта и отразилось, какъ нельзя лучше, на произведеніяхъ этого суроваго періода его жизни. Въ Михайловскомъ Пушкинъ написалъ четвертую, пятую и шестую пѣсни романа „Евгеній Онѣгинъ“, приготовилъ къ печати поэму „Цыганы“, написанную еще въ Одессѣ, и началъ и окончилъ лучшее свое произведеніе: драматическую поэму „Борисъ Годуновъ“. Что же касается лирическихъ его стихотвореній, то въ Михайловскомъ ихъ было написано множество—и многія изъ нихъ можно смѣло назвать перлами пушкинской поэзіи, какъ, на примѣръ: „Я помню чудное мгновеніе“, „19-го октября 1825 года“, „Зимній вечеръ“, „Андрей Шенье“, „Зимняя дорога“ и „Пророкъ“. Однимъ словомъ, періодъ пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ, относительно поэтической производительности, можетъ поспорить даже съ продолжительнымъ пребываніемъ его въ Болдинѣ, въ 1831 году, гдѣ онъ выказалъ такую громадную творческую силу, что самъ удивлялся своей производительности. Здѣсь же Пушкинъ прослушалъ и записалъ всѣ тѣ чудныя сказки, которыя онъ напечаталъ впослѣдствіи, и всѣ тѣ простонародные рассказы, которые были найдены въ бумагахъ поэта, послѣ его смерти. „Знаешь ли ты мои занятія?“ писалъ Пушкинъ къ брату своему изъ Михайловскаго, осенью 1824 года. „До обѣда пишу „Записки“, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія“. Источникомъ большаго числа сказокъ, написанныхъ Пушкинымъ, были неистощимые рассказы его старой няни, Арины Родіоновны, знавшей ихъ великое множество. „Арина Родіоновна была посредницей“, говоритъ г. Анненковъ, „въ сношеніяхъ Пушкина съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ узнаніи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріемовъ народа, съ какими подходитъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Александръ Сергѣевичъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія. Простонародный рассказъ „Женихъ“—остается блестящимъ результатомъ этихъ сношеній между поэтомъ и бывалою старухой“. Наконецъ, въ Михайловскомъ написанъ былъ „Графъ Нулинъ“, прелестная шутка, возбуждавшая, впослѣдствіи, такъ много толковъ въ публикѣ и журналистикѣ.

Между-тѣмъ хлопоты друзей Пушкина о дозволеніи ему оставить Михайловское и переѣхать на жительство въ Москву увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Императоръ Николай, снисходя на прошеніе Пушкина, разрѣшилъ ему эту поѣздку—и 3-го сентября 1826 года Александръ Сергѣевичъ уже мчался по дорогѣ къ Москвѣ, куда и прибылъ, въ сопровожденіи фельдъегеря, 8-го того же мѣсяца. Тотчасъ по прибытіи въ столицу, Пушкинъ былъ представленъ Государю. Побесѣдовавъ съ поэтомъ довольно долго и весьма милостиво, Императоръ Николай обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: „Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабрѣ?“—„Неизбѣжно, Государь!“ отвѣчалъ прямодушный поэтъ: „всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я былъ бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня—и я благодарю за то Небо!“—„Ты довольно шалилъ“, возразилъ Императоръ: „надѣюсь, что теперь ты образумишься, и что размолвки у насъ впредь не будутъ. Присылай все, что напишешь, ко мнѣ: отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ“. Въ тотъ же вечеръ, на балѣ у маршала Мармона, Государь сказалъ графу Блудову: „Знаешь, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ челоѣкомъ въ Россіи!“ и на вопросъ Блудова объ имени этого челоѣка, назвалъ ему Пушкина.

Зиму съ 1826 на 1827 годъ Александръ Сергѣевичъ провелъ въ Москвѣ, а весну и лѣто въ Петербургѣ и Михайловскомъ, и все это время почти не брался за перо, наслаждаясь славой и вниманіемъ, встрѣчавшими его вездѣ. По возвращеніи въ Москву, онъ снова взялся за перо, и первымъ произведеніемъ, вышедшимъ прямо изъ сердца, были извѣстныя его стансы: „Въ надеждѣ славы и добра“, вилетшія новый листокъ въ его лавровый вѣнецъ. Затѣмъ, въ исходѣ того же года вышли въ свѣтъ, первымъ и вторымъ изданіями, три его поэмы: „Цыганы“, „Братья разбойники“ и „Графъ Нулинъ“, написанныя еще въ 1822, 1824 и 1825 годахъ. Наступившій 1828 годъ засталъ Пушкина въ Петербургѣ, сѣдующимъ на шумъ и суету столичной жизни, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго письма къ сосѣдкѣ по псковскому имѣнію, П. А. Осиповой: „Дельвигъ расскажетъ вамъ о нашемъ житѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житѣ довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ

образомъ. Не знаю, приѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу. Изъ лирическихъ стихотвореній, написанныхъ въ этомъ году, нельзя не указать на слѣдующія прелестныя пьесы: „Не пой, красавица, при мнѣ“, „Цвѣтокъ“, „Даръ напрасный, даръ случайный“, „Воспоминаніе“, „Заклинаніе“, „Утопленникъ“, „Воронъ къ ворону летитъ“, „Анчаръ“ и „Чернь“. Лѣто 1828 г. Пушкинъ, по обыкновенію, провелъ въ Михайловскомъ; но октябрь мѣсяцъ, вопреки обыкновенію, застаетъ его не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ, тотчасъ по приѣздѣ, онъ съ жаромъ принимается за созданіе новой поэмы, которую оканчиваетъ въ одинъ мѣсяцъ, не выѣзжая изъ столицы. Поэма эта была—„Полтава“, лучшая изъ всѣхъ поэмъ Пушкина. Чтобы оцѣнить всю громадность напряженія поэтического генія Пушкина, при созданіи „Полтавы“, стоитъ только взглянуть на цифры, выставленныя на рукописи, въ концѣ каждой изъ пѣсенъ ея, и мы увидимъ, что первая пѣсня окончена 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го; слѣдовательно послѣднія двѣ пѣсни написаны были менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли. Поэма явилась въ печати въ началѣ 1829 года, но, не смотря на все свое величіе и кованный стихъ, далеко не имѣла того успѣха, который выпалъ на долю его первыхъ поэмъ. Публика была въ недоумѣніи: она не узнавала своего Пушкина, не узнавала въ сжатомъ и многовѣсномъ стихѣ новой поэмы прежнихъ блестящихъ и огненныхъ строфъ „Бахчисарайскаго фонтана“, „Кавказскаго плѣнника“ и „Цыганъ“. „Полтава“, говоритъ Пушкинъ, „не имѣла успѣха. Можетъ-быть она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ, произведеніямъ“. Изъ этихъ немногихъ строкъ можно видѣть, на сколько Пушкинъ стоялъ впереди современнаго ему общества въ дѣлѣ пониманія всего художественнаго. Теперь уже никто не предпочтетъ „Полтавѣ“ первыхъ поэмъ его, навѣянныхъ Байрономъ, съ которыми онъ простился навсегда, еще въ началѣ 1824 года, въ своемъ стихотвореніи „Къ морю“. Какъ Пушкинъ ни былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, тѣмъ не менѣе рѣзкіе и постоянные нападки журналовъ на его произведенія волновали и сердили его. Издавъ „Полтаву“, Пушкинъ снова захандрилъ: какая-то нравственная усталость овладѣваетъ всѣмъ его существомъ—и онъ начинаетъ томиться жаждой физической дѣятельности, которая у него всегда чередовалась съ дѣятельностью нравственной. Онъ запирается дома и начинаетъ готовить изданіе „Бориса Годунова“, но, въ началѣ марта 1829 г., вдругъ весьма круто отрывается отъ общества и уѣзжаетъ на Кавказъ, не позаботясь даже попросить разрѣшенія на поѣздку. Затѣмъ, въ маѣ является въ Георгіевскъ—и принимается за записки, вышедшія впослѣдствіи подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года“. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой поѣздки на Кавказъ, вылились у него въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, которые можно смѣло назвать перлами описательной поэзіи. Это—„Донъ“, „Кавказъ“, „Монастырь“, „Казбекъ“ и „Обвалъ“. Здѣсь же были написаны стихотворенія: „Олеговъ щитъ“ и „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, изъ которыхъ первое—есть патріотическая пѣсня Пушкина, а второе—одно изъ лучшихъ и задушевейшихъ его произведеній. По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ приступилъ къ сочиненію новой поэмы „Талубъ“, но почему-то не окончилъ ее; затѣмъ, началъ и окончилъ шуточную повѣсть въ стихахъ „Домикъ въ Коломнѣ“ и заключилъ 1829 годъ извѣстнымъ стихотвореніемъ: „Воспоминанія о Царскомъ Селѣ“. Въ мартѣ 1830 года Пушкинъ внезапно уѣхалъ въ Москву, оживленную тогда присутствіемъ Двора, и 21-го апрѣля сдѣлалъ предложеніе извѣстной московской красавицѣ, Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ семействомъ которой онъ былъ давно знакомъ. Предложеніе было принято—и счастливый женихъ поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, а оттуда выѣхалъ въ село Болдино, нижегородской губерніи, лукояновскаго уѣзда, отданное ему отцомъ, для устройства своихъ дѣлъ. Изъ Петербурга Пушкинъ, сопровождаемый Дельвигомъ, вышелъ пѣшкомъ. Прощаясь у заставы, оба поэта не подозрѣвали, что видятся въ послѣдній разъ. Въ Болдинѣ Пушкинъ провелъ цѣлыхъ три мѣсяца, въ теченіе которыхъ его творческая сила выразилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Онъ создалъ въ теченіе этого времени слѣдующія превосходныя произведенія въ такомъ порядкѣ: „Скупой рыцарь“, драма въ двухъ сценахъ, „Моцартъ и Саліери“, драма въ двухъ сценахъ, „Лѣтопись села Горохина“, статья въ прозѣ, „Каменный гость“, драма въ четырехъ сценахъ, „Пиръ во время чумы“, драматическій отрывокъ, „Повѣсти Бѣлкина“, заключающія въ себѣ пять повѣстей: „Выстрѣлъ“, „Мятежъ“, „Гробовщикъ“, „Станціонный смотритель“ и „Барышня-крестьянка“, восьмую пѣсню „Евгенія Онѣгина“ и цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ: „Герой“, написанный по полученіи из-

вѣстія о прибытіи Государя въ вымиравшую отъ холеры Москву, „Поэтъ, не дорожи любовію народной“, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, „Для береговъ отчизны дальней“, „Осень“, „Бѣсы“, „Пью за здравіе Мери“, „Стамбуль гяуры нынче славятъ“, три „Подражанія Данту“, „Суровый Дантъ не презиралъ сонета“, „Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ“ и „Моя родословная“. Въ концѣ января 1831 года Пушкинъ отправился обратно въ Москву, гдѣ, 18-го февраля, былъ обвиненъ съ Н. Н. Гончаровой. Къ 1831 году относятся слѣдующія стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „Лицейская годовщина“ и „Эхо“, и двѣ сказки изъ простонароднаго быта: „Сказка о царѣ Салтанѣ“ и „Сказка о купцѣ Кузмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ“. Проживъ лѣто и осень 1831 года въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ переѣхалъ на зиму въ Петербургъ и, поселившись въ Малой Морской, въ домѣ Жадимировскаго, сталъ усердно посѣщать архивы, гдѣ случайно натолкнулся на бумаги о пугачевскомъ бунтѣ, давшія поэту канву для извѣстной его повѣсти: „Капитанская дочка“ и наведшія его на мысль написать „Исторію Пугачевского Бунта“. Приготовляя къ изданію это послѣднее сочиненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣша окончаніемъ „Капитанской дочки“, Пушкинъ вздумалъ съѣздить въ Казань и Оренбургъ, чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія обоихъ своихъ произведеній. Вздумано—сдѣлано! Пушкинъ совершилъ свое путешествіе очень быстро, въ теченіе осени 1833 года, и возвратился въ Болдино еще до заморозковъ, такъ-какъ *пріемы и стихи не давали ему покоя*. И точно, приѣхавъ въ Болдино, онъ залегъ въ постель—и, въ теченіе одного октября, написалъ: сказку „О рыбацѣ и рыбкѣ“, поэму „Мѣдный всадникъ“ и слѣдующія мелкія стихотворенія: „Воевода“, „Будрысь и его сыновья“ и „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“. Изъ нихъ первыя два—переводы изъ Мицкевича. По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ, въ началѣ декабря, представилъ свою „Исторію Пугачевского Бунта“ на разсмотрѣніе начальства, а 31-го того же мѣсяца пожалованъ камеръ-юнкеромъ, съ выдачею ему заимообразно 20,000 руб. ассигнаціями для напечатанія его книги. Кромѣ исчисленныхъ произведеній, Пушкинымъ, въ 1833 году, написаны еще слѣдующія: „Анджело“, поэма въ двухъ частяхъ, заимствованная изъ трагедіи Шекспира „Мѣра за мѣру“, „Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, „Родословная моего героя“, „Гусаръ“ и „Пѣсни западныхъ славянъ“. Весной 1834 г. Пушкинъ отправилъ все свое семейство къ роднымъ, въ калужскую губернію, а самъ остался въ Петербургѣ, гдѣ прохандрилъ все лѣто. Осенью, по возвращеніи семейства въ Петербургъ, Ал. Сер. принялся снова за работу—и результатомъ его трудовъ были два посланія: „Мицкевичу“ и „Д. В. Давыдову“ и повѣсть „Пиковая дама“. Что же касается „Исторіи Пугачевского Бунта“, то печатаніе 1-го изданія этой книги также было окончено въ исходѣ этого года. Въ 1835 году Пушкинъ издалъ полное собраніе своихъ поэмъ, подъ названіемъ: „Поэмы и повѣсти Александра Пушкина“, въ 2-хъ частяхъ, и написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ: „Полководецъ“, „Туча“, „Пиръ Петра Великаго“, „Египетскія ночи“, „Опять на родинѣ“ и „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ. 1836 годъ Пушкинъ встрѣтилъ весело, мечтая о заграничномъ путешествіи, отъ котораго, впрочемъ, долженъ былъ вскорѣ отказаться, за неимѣніемъ и за невозможностью добыть необходимыя на то денежныя средства. Къ этому первому огорченію вскорѣ присоединились другія: болѣзнь и смерть матери, несогласіе съ отцомъ, дѣла котораго совершенно разстроились и повергли его въ самое жалкое положеніе, выйти изъ котораго онъ не соглашался самъ, такъ какъ этотъ выходъ былъ сопряженъ съ оставленіемъ столицы и проживаніемъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ въ деревнѣ, и, наконецъ, всѣ тѣ грязныя, великосвѣтскія сплетни, которыя не давали покою ни ему, ни женѣ его. Въ этомъ же году Пушкинъ приступилъ къ изданію давно задуманнаго журнала, въ которомъ первое мѣсто должно было принадлежать критикѣ. Извѣстіе о смерти матери застало его за печатаніемъ 1-й книжки „Современника“, вслѣдствіе чего она вышла въ свѣтъ въ мартѣ 1836 г., безъ его личнаго участія. Книжка эта заключала въ себѣ, кромѣ стиховъ Жуковскаго, прозы Гоголя, критики Козловскаго и хроники Тургенева, слѣдующія стихотворныя и прозаическія произведенія Пушкина: „Пиръ Петра Великаго“, „Скупой рыцарь“, „Изъ Шенье“, „Путешествіе въ Арзрумъ“ и разборы „Сочиненій Кошисскаго“, „Вастолы“, „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, „Походныхъ записокъ артиллериста“ и „Новоселья“. Вторая книжка „Современника“ вышла въ іюнѣ, третья—въ сентябрѣ, четвертая—въ ноябрѣ. Остальныя книжки были изданы уже послѣ смерти Пушкина его друзьями.

Между тѣмъ черныя тучи, уже давно собиравшіяся надъ головой поэта, стали сгущаться все болѣе и болѣе. Въ началѣ ок-

тября мѣсяца Пушкинъ переѣхалъ въ городъ, на Мойку, къ Пѣвческому мосту, въ домъ княгини Волконской. Вскорѣ послѣ того, по городу стали ходить разные лживые слухи, весьма неслестные для семейства Пушкина. Затѣмъ, появились анонимныя письма, въ которыхъ уже прямо говорилось объ ухаживаніи Дантеса, побочнаго сына голландскаго посланника, барона Гекерена, за женою Пушкина. Получивъ одно изъ такихъ писемъ, исполненныхъ самыхъ дерзкихъ и неблагопристойныхъ намековъ, Пушкинъ послалъ вызовъ Дантесу. На этотъ разъ поединокъ не состоялся: Дантесъ объяснилъ свои частныя посѣщенія дома Пушкина чувствомъ сердечной привязанности къ сестрѣ жены поэта, К. Н. Гончаровой, руки которой онъ и просилъ въ настоящее время. Свадьба состоялась, но примиренія между Пушкинымъ и Дантесомъ не послѣдовало, не смотря на всѣ старанія барона Гекерена, которому Пушкинъ сказалъ прямо, что онъ не желаетъ возобновлять съ его сыномъ никакихъ сношеній. Не смотря на это, Дантесъ сдѣлалъ Пушкинымъ свадебный визитъ, но не былъ принятъ. На другой день Пушкинъ получилъ письмо отъ Дантеса, которое, не распечатывая, положилъ въ карманъ. Встрѣясь съ Гекереномъ въ домъ своей родственницы, фрейлины Загряжской, Пушкинъ просилъ барона возвратитъ письмо тому, кто его писалъ, т. е. не только читать писемъ Дантеса, но даже и слышать его имя онъ не желаетъ. Гекеренъ отказался принять письмо. Тогда Пушкинъ бросилъ ему письмо въ лицо, со словами: „Tu la gaces, gredin!“ Какъ будто предчувствуя катастрофу, Александръ Сергѣевичъ собирался въ концѣ года уѣхать въ Михайловское и пробить тамъ всю зиму съ семействомъ своимъ; но вскорѣ обстоятельства приняли такое направленіе, что Пушкинъ рѣшился покончить дѣло разомъ. Разсерженный какою-то новою сплетней, Пушкинъ написалъ Гекерену извѣстное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „позвольте мнѣ сказать, баронъ, что роль, которую вы играли въ этомъ дѣлѣ, была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы—вы были презрѣннымъ сводникомъ вашего побочнаго сына, или, быть можетъ, только слывшаго за вашего. Все его поведеніе (впрочемъ, довольно неловкое) вѣроятно было направлено вами: вы, вѣроятно, напугивали ему тѣ жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и тѣ пошлости, которыя онъ писалъ. Какъ какая нибудь развратная старуха, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына“. Письмо это было окончательной причиной рокового поединка, послѣдовавшаго вскорѣ. Въ отвѣтъ на письмо Пушкина, оскорбленный посланникъ извѣстилъ Александра Сергѣевича, что сынъ его пришетъ къ нему своего секунданта. Поединокъ долженъ былъ состояться 27-го января въ пять часовъ по полудни; мѣстомъ поединка была назначена площадка у комендантской дачи, за Черной Рѣчкой. Дуэль на этотъ разъ, къ сожалѣнію, состоялась. Секундантами были: у Пушкина—полковникъ К. К. Данзасъ, у Дантеса—виконтъ д'Аршіакъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый—и Пушкинъ, падая, воскликнулъ: „Je crois que j'ai la cuisse fracassée!“ Затѣмъ, приподнявшись немного и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ въ свою очередь—и Дантесъ упалъ. Замѣтивъ текущую кровь изъ груди Дантеса, Пушкинъ воскликнулъ: „браво!“ и бросилъ пистолетъ въ сторону. Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота: пуля раздробила кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ и глубоко вошла въ животъ, гдѣ и застряла. Рана была смертельная. Его усадили въ карету и увезли домой. У крыльца встрѣтилъ Пушкина его камердинеръ и бережно понесъ его вверхъ по лѣстницѣ. „Грустно тебѣ нести меня?“ спросилъ у него Пушкинъ. Его раздѣли и уложили въ кабинетъ. Вошла жена. Онъ схватилъ ея руки, прижалъ ихъ къ губамъ и сказалъ: „Благодарю Бога, я еще живъ и ты возлѣ меня!“ На вопросъ прѣхавшаго доктора: не желаетъ-ли онъ видѣть кого нибудь изъ своихъ близкихъ?—Пушкинъ обратилъ глаза свои къ библиотекѣ и сказалъ: „Прощайте, друзья!“ Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми—не извѣстно. Затѣмъ началась агонія, продолжавшаяся 45 часовъ. Жуковский, оставившій трогательное описаніе болѣзни и смерти Пушкина, по нѣскольку разъ въ день ѣздилъ докладывать Государю о ходѣ его болѣзни. „Скажи Государю“, сказалъ онъ Жуковскому, „что мнѣ жаль умереть: былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастья въ его сынѣ, счастья въ его Россіи“. Въ ночь на 28-е января докторъ Арендъ привезъ умирающему слѣдующую записку Государю: „Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ прощенье и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не беспокойся: я беру ихъ на свои руки“. „Скажите Государю“, произнесъ тогда Александръ Сергѣевичъ, „что жалѣю о потерѣ жизни потому, что не могу изъяснить ему моей благодарности: что я былъ бы весь его“. Послали за

священникомъ. Пушкинъ исповѣдался и причастился. Передъ самой кончиной, Пушкинъ нѣсколько оживился: лицо прояснилось, глаза быстро открылись, и онъ сказалъ: „кончена жизнь! тяжело дышать!... давить!...“ и величайшаго русскаго поэта не стало. Смерть послѣдовала въ $\frac{3}{4}$ третьяго пополудни, 29 января 1837 г. „На другой день“, говоритъ Жуковский, „мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, къ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно, болѣе 10.000 человекъ пребывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умирительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора“.

Во время отпѣванія вся площадь противъ церкви была полна народа, такъ какъ сама церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ проститься съ покойнымъ поэтомъ—славой Россіи. Прощаясь послѣднимъ цалованіемъ, Жуковский, крѣпко обнявъ бездыханный трупъ своего друга, приподнял его изъ гроба и долго прижималъ къ груди, держа его въ своихъ объятіяхъ.

Тѣло Пушкина, согласно волѣ покойнаго, было перевезено въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ 4-хъ верстяхъ отъ Михайловскаго, и погребено тамъ, 5 февраля того же года, передъ жертвенникомъ, на внѣшней сторонѣ старинной церкви монастыря. Надъ могилой поэта возвышается памятникъ изъ бѣлаго мрамора, съ надписью: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

„Россія“, говоритъ Жуковский, „лишилась въ немъ (Пушкинѣ) своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда беспорядочною, силою молодости, тревожимой гениемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертью не оторвалось что-то родное отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ немъ своего поэта, который принадлежалъ-бы ему, какъ Державинъ—славѣ Екатерины, и Карамзинъ славѣ—Александра“.

Н. В. Гербель. *)

О Болдинскомъ имѣніи А. С. Пушкина въ нижегородской губ. и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ.

Въ обширныхъ біографическихъ матеріалахъ объ А. С. Пушкинѣ обстоятельства пребыванія его въ с. Болдинѣ, нижегородской губерніи, до сихъ поръ остаются мало выясненными; до сихъ поръ даже не собраны въ одно цѣлое тѣ немногія, отрывочныя свѣдѣнія, какія разбросаны въ различныхъ печатныхъ изданіяхъ. Намъ, нижегородцамъ, ставить совершенно справедливый упрекъ въ томъ, что мы не позаботились во время, при жизни поэта или въ ближайшее къ нему время, собрать какіе-либо матеріалы—письменные и разспросные—о болдинскомъ періодѣ жизни А. С. Пушкина. За это дѣло взялись, да и то мимоходомъ, только въ концѣ 60-хъ годовъ, когда въ Болдинѣ не оставалось никакихъ наглядныхъ памятниковъ пребыванія здѣсь поэта; къ этому времени не было ни дома, въ которомъ онъ жилъ и работалъ, ни сосѣдней Кистеневской рощи—любимаго мѣста для его прогулокъ, гдѣ, быть можетъ, создано его классическое стихотвореніе „Осень“ („Октябрь уж наступилъ; ужъ роща отряхаетъ послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей“). Никто не догадался оставить на память хотя бы бѣглые черты памятныхъ болдинскихъ мѣстъ или краткое ихъ описаніе. Въ настоящее время—въ Болдинѣ ничто не напоминаетъ о пребываніи здѣсь поэта: не только „барская“ усадьба, но и самое село совершенно измѣнило свой внѣшній видъ; разспросныя записи не приводятъ, обыкновенно, ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ по простому вычисленію онъ могутъ опираться на показаніяхъ дряхлыхъ 100-лѣтнихъ старцевъ.

Намѣреваясь въ настоящемъ очеркѣ коснуться вопроса объ имѣніи А. С. Пушкина въ нижегородской губерніи и о пребываніи его здѣсь въ 1830-хъ годахъ, мы позволимъ себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ Болдинѣ и передать рассказы старожиловъ объ А. С. Пушкинѣ. Село Большое или Базарное Болдино, при рѣчкѣ Азанѣ или Сазанкѣ, находится въ сѣверной полосѣ лукояновскаго уѣзда, въ юго-восточномъ углу

*) Н. В. Гербель извѣстный русскій поэтъ-переводчикъ (1827—1883).

нижегородской губернии. Оно расположено на пригорь, съ пологимъ скатомъ по направлению къ сосѣднему селу Ларионову. Избы, какъ и въ большинствѣ селеній этой полосы, крыты соломой и самое село, благодаря этому, имѣетъ видъ, бѣдной глухой деревушки. На горѣ, среди села, широкая площадь, на которой живописно выдѣляется усадьба Л. А. Пушкина, вся въ зелени, обнесенная красивой оградой; рядомъ съ усадьбой высится церковь, близъ нея стоитъ чистенькое, новенькое зданіе начальной школы. Противъ усадьбы—волостное правленіе, а за нимъ, замыкая площадь, тянутся крестьянскія избы. Верхнюю часть села, можно считать старѣйшимъ жилищнымъ пунктомъ Болдина вмѣстѣ съ примыкающими къ ней по склону базарною площадью и улицей. Вокругъ Болдина мѣстность степная, безлѣсная, встрѣчаются лишь небольшія рощицы изъ дубняка и осинника.

Въ прежнее время, по словамъ старожиловъ, на мѣстѣ нынѣшней усадебной ограды близъ церкви лѣнились крестьянскія избышки, свнесенныя уже въ концѣ тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ управляющимъ Пеньковскимъ.

Старый барскій домъ, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ, по показанію старожиловъ, находился на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ господская усадьба, но о немъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Во всемъ Болдинѣ въ настоящее время можно найти только два—три лица изъ крестьянъ, которые помнятъ А. С. Пушкина. Это—столѣтній старикъ Михей Ивановъ Сивохинъ и двѣ немощныя и дряхлыя старушки—Смолина и Зимина. Изъ разспросовъ объ А. С. Пушкинѣ я могъ узнать немного. Это и понятно: бывшіе крѣпостные крестьяне стояли далеко отъ своихъ господъ и если видѣли ихъ, то развѣ изъ оконъ своихъ темныхъ хатъ или по какой-нибудь случайности. Передаю коротенькую свою бесѣду съ Сивохинымъ.

— Помнишь-ли ты, дѣдушка, барина Александра Сергѣевича Пушкина?

— Какъ не помнить, родимый, помню! Курчавый, невысокаго роста... Веселый баринъ, ласковый...

— Гдѣ тебѣ случалось его видѣть?

— Гдѣ? И на улицѣ, и на барскомъ дворѣ... А случилось мнѣ ему одинъ разъ и лошадь сѣдлатъ. На караулѣ я былъ, да и зашелъ на барскій дворъ: прикащика повидать нужно было. Слышу, кто-то зоветъ... Я думалъ, что конторщикъ, анъ это самъ баринъ изъ дому вышелъ.

— Эй, человѣкъ, поди ко мнѣ.

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Пойдемъ со мной въ конюшню, пособи лошадь осѣдлатъ. Вывелъ я ему лошадь, онъ сѣлъ и говорить: отвори, говорить, мнѣ ворота, проводи со двора.

Проводилъ я его,—онъ и поскакалъ трусцой въ Казаринскіе кусты... Все туда ѣздили верхомъ; почестъ каждый вечеръ, и все одинъ. Вотъ разъ только и привелъ меня Господь съ нимъ разговаривать... Вишь вотъ онъ какой человѣкъ—атъ былъ: объ емъ все „допросъ идетъ“. На дальнѣйшіе разспросы о домашней жизни А. С. Пушкина, о его привычкахъ и прочее, дѣдушка не могъ сообщить ничего, кромѣ мелкихъ внѣшнихъ фактовъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже.

Нѣкоторые изъ болдинскихъ старожиловъ, за давностью времени, путаютъ А. С. Пушкина съ его братомъ Л. С. Пушкинымъ; увѣряютъ, что А. С. Пушкинъ пріѣзжалъ въ Болдино весной и ходилъ въ рощу слушать, „о чемъ птицы поютъ“. Вообще, при подобныхъ разспросахъ надо быть чрезвычайно осторожнымъ. Въ этомъ отношеніи можно придавать большее значеніе показаніямъ старожиловъ о топографіи Болдина во время проживанія здѣсь А. С. Пушкина.

При совершенномъ отсутствіи какихъ-либо записокъ и воспоминаній современниковъ, важнѣйшимъ матеріаломъ для знакомства съ болдинскимъ періодомъ жизни Пушкина остаются сочиненія поэта, въ особенности его *болдинскія письма* къ разнымъ лицамъ, дополненные весьма немногими архивными матеріалами и разсказами болдинскихъ старожиловъ. На основаніи этихъ источниковъ мы позволимъ себѣ вкратцѣ коснуться 3-хъ вопросовъ: о времени пожалованія роду Пушкиныхъ нижегородскихъ вотчинъ, о состояніи этихъ вотчинъ ко времени пріѣзда сюда поэта и, наконецъ, о самомъ пребываніи его здѣсь.

Родъ Пушкиныхъ, по Гербовнику, внесенъ въ VI ч. родосл. кн. костромской, московской и новгородской губ.; но для насъ весьма важно, что Пушкины числились въ составѣ *нижегородскаго* дворянства по десятиямъ уже въ XVII ст.; такъ, въ десятиѣ 114 году (т. е. 1606 г.) указано денежное жалованье въ этомъ году давать *нижегородцамъ* дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, боярину и воеводѣ князю А. В. Голицину, да князю А. В. Хилкову *вмѣстѣ съ Гр. Гр. Пушкинымъ* головою (сотеннымъ) ¹⁾.

Затѣмъ, въ спискѣ намѣстниковъ и воеводъ нижегородскихъ,

составленномъ В. Д. Корсаковымъ и напечатанномъ въ „Дѣйствіяхъ“ арх. комиссіи ²⁾, упоминается Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, который былъ намѣстникомъ нижегородскимъ между 1646—1650 г.г.

Болѣе раннихъ указаній о Пушкиныхъ—*нижегородцахъ* въ архивныхъ матеріалахъ не находимъ; попытаемся поэтому построить свои предположенія на этихъ двоихъ Пушкиныхъ, имѣвшихъ отношеніе къ нашему нижегородскому краю.

Первый изъ нихъ Григорій Григорьевичъ Пушкинъ упоминается не разъ въ исторіи Н. М. Карамзина, въ числѣ воеводъ, вѣрныхъ Вас. Ив. Шуйскому (1606—1608 г.г.). Вспыхнувшій при Вас. Ив. Шуйскомъ бунтъ Шаховскаго мало-по-малу принялъ широкіе размѣры и грозилъ серьезною опасностью государству, захватывая въ немъ все большее и большее число городовъ. „Худыя вѣсти, говоритъ Н. М. Карамзинъ, одна за другою, встревожили Москву. Въ калужской и тульской области новыя шайки скопились и заняли Тулу. Бунтъ вспыхнулъ въ уѣздѣ арзамаскомъ и алатырскомъ. Мордва, холопы-крестьяне грабили, рѣзали царскихъ чиновниковъ и дворянъ, утопили воеводу Сабурова и осадилъ *Нижній-Новгородъ* именемъ „Димитрія“.

„А Нижній-Новгородъ, повѣствуетъ хронографъ, стоялъ за царя Василія, отъ воровъ отъ русскихъ людей былъ въ осадѣ, а стояли подъ Нижнимъ русскіе люди и боротники и мордва, а съ ними былъ за воеводы мѣсто Ив. Бор. сынъ Доможировъ“. Осаждавшіе, по словамъ Никон. лѣтописца, „стояху подъ Нижнимъ и многія пакости граду дѣлаху“.

Возстаніе охватило чуть не все Поволжье, вспыхнуло въ Астрахани и достигло до границъ Сибири.

Съ цѣлью предупредить соединеніе мятежниковъ Вас. Ив. Шуйскій отправилъ въ разныя мѣста воеводъ съ ратными людьми: въ ихъ числѣ повелѣно было идти *подъ Арзамасъ воеводѣмъ Григорію Григорьевичу Пушкину и Сергію Григорьевичу Пушкину*, да Сергію Григорьевичу Адаурову съ ратными людьми владимірскими, суздальскими и муромскими.

Посланные воеводы въ большинствѣ случаевъ успѣха не имѣли; исключеніе составляли воеводы Измайловъ и Пушкинъ (Гр. Гр.). По выраженію Карамзина, „они честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника князя Михаила Долгорукова, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ; второй (*Пушкинъ*) спасъ Нижній-Новгородъ, усмиривъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ и еще прислѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы идти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ, гдѣ они истребили скопища злодѣевъ“.

Если прибавить къ этому свидѣтельство А. С. Пушкина, въ его замѣткѣ о родословной, что четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою объ избраніи Романовыхъ на царство, то для насъ будетъ ясно, что нижегородскіе вотчины были пожалованы роду Пушкиныхъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича за заслуги ихъ московскому государству въ смутное время.

По недавнимъ справкамъ у позднѣйшаго владѣльца Болдина А. Л. Пушкина, дер. Кистенево по документамъ дѣйствительно была пожалована Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Косвенное показаніе по этому вопросу даетъ и поэтъ А. С. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Моя родословная“.

Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягала съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ;
Смиривъ крамолы и коварства
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ.

Второй изъ упомянутыхъ нами Пушкиныхъ—бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ—въ царствованіе Алексѣя Михайловича служилъ посломъ въ Польшу съ титуломъ нижегородскаго на мѣстника. По словамъ В. П. Анненкова, нашъ знаменитый поэтъ А. С. Пушкинъ, сильно интересовавшійся своей родословной, особенно уважалъ изъ всѣхъ своихъ предковъ именно боярина Григорія Гавриловича Пушкина († 1656 г.). Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о немъ мы не нашли.

Жалованныя вотчины Пушкиныхъ, разбросанныя въ нѣсколькихъ губерніяхъ, представляли когда-то огромное состояніе. Въ нижегородской губерніи еще въ прошломъ столѣтіи, въ лукояновскомъ и сергачскомъ округахъ, было нѣсколько поселковъ, принадлежавшихъ Пушкинымъ, но затѣмъ, путемъ залога и продажи большинство ихъ перешло въ чужія руки; къ 30-мъ гг. настояща-

¹⁾ См. составъ нижегор. дворянства по десятиямъ XVII ст. В. Н. Сторужева въ „Дѣйствіяхъ“ ниж. уч. арх. ком., т. I, стр. 399.

²⁾ „Дѣйствія“, т. I, стр. 527, прим. 2.

го столѣтія здѣсь оставался уже одинъ только „Болдинскій приходъ“, въ юговосточномъ углу нижегородской губерніи, состоявшій изъ нѣсколькихъ поселковъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно извѣстно, что кромѣ собственно Болдина во владѣніи Серг. Льв. Пушкина (къ 30-мъ г.г.) находилось селцо Кистенево (нынѣ с. апраксинской вол.) на югѣ сергачскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ Болдина.

Въ письмѣ къ своей женѣ отъ 21 октября 1893 года А. С. Пушкинъ называетъ „кистеневскихъ мужиковъ уже своими“³⁾, а въ спискѣ населенныхъ мѣстъ 1853 г. Кистенево показано „имѣніемъ наслѣдниковъ камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина“. Можно думать, что Кистенево еще въ 30-мъ году, передъ женитьбой А. С. Пушкина, было отдано ему во владѣніе его отцомъ, какъ часть болдинскаго имѣнія. Въ обширныхъ біографическихъ матеріалахъ объ А. С. Пушкинѣ Кистенево нигдѣ, кажется, не упоминается, а оно имѣетъ на это такое-же право, какъ и Болдино—уже потому только, что здѣсь была вотчинная контора и небольшой господскій домъ, въ которомъ „живалъ Алекс. Серг. Пушкинъ, когда пріѣзжалъ сюда на охоту изъ Болдина въ 1830 году“⁴⁾. Въ 1860-хъ и 70-хъ гг. свидѣтелемъ пребыванія Пушкина въ Болдинѣ оставалась „кистеневская роща“, въ 3-хъ верстахъ отъ Болдина, по которой А. С. Пушкинъ часто гулялъ.⁵⁾

Для знакомства съ этими родовыми помѣстьями А. С. Пушкина даемъ здѣсь описаніе ихъ по свѣдѣніямъ „Статистическаго списка населенныхъ мѣстностей, составленнаго статистической экспедиціей въ 1853 г.“;—за 15-лѣтній промежутокъ, со времени послѣдняго посѣщенія Пушкинымъ Болдина, не могло произойти рѣзкой перемѣны въ положеніи его крѣпостныхъ сель, ни со стороны наружнаго ихъ вида, ни со стороны внутренней жизни и быта населенія.

„С. Большое Болдино (обыкновенно называется Базарное Болдино), при р. Азанѣ или Сазанкѣ, на границѣ сергачскаго уѣзда. Расположено на горѣ, въ двѣ длинныя улицы и нѣсколько отдѣльныхъ порядковъ. Избы на половину бѣлыя и на половину крыты тесомъ, остальные соломой.

Въ „спискѣ населен. мѣстъ 1853 г.“ Болдино показано уже во владѣніи двоихъ помѣщиковъ: „малолѣтнихъ гг. Пушкиныхъ дѣтей чиновника V кл. Сергѣя Львовича Пушкина“ и полковника—Серг. Вас. Зыбина.

Во владѣніи Пушкиныхъ въ 1853 г. состояло 105 дворовъ: жителей по 8-й ревизіи (1833 г.)—550 м. и 543 ж., по 9-й—416 м. и 403 жен.; сверхъ того дворовыхъ—14 м. и 9 ж. (по 8-й ревизіи) и 11 м. и 8 ж. (по 9-й).

У Зыбина—59 дворовъ и жителей по 8-й ревизіи—554 м. и 540 жен., по 9-й—295 м. и 267 ж.; дворовыхъ—17 м. и 11 ж. (по 8-й ревизіи), 17 м. и 10 ж. (по 9-й рев.). Кромѣ того, въ „спискѣ“ показано 10 домовъ „духовныхъ“, а въ нихъ 24 м. 27 ж. и 1 купеческій дворъ,—въ коемъ проживали 1 м. и 4 жен., и 10 дворовъ кантонистовъ съ населеніемъ въ 23 м. и 50 жен. Всѣ дворовые люди Пушкиныхъ показаны „въ постоянной отлучкѣ въ С.-Петербургъ при господинѣ“.

Все населеніе села Болдина—русское, православнаго исповѣданія; занимались, какъ и теперь, хлѣбопашествомъ; въ ту пору (въ началѣ 50-хъ гг. и ранѣе) они были на запашкѣ. Почва здѣсь черноземная и отчасти суглинокъ.

Въ имѣніи Пушкиныхъ въ 1853 г. состояло по селу Болдину господской земли въ 3-хъ поляхъ, на 170 тяголъ—680 дес., удобной крестьянской—1020 дес. (по 6 дес. на тягло); у Зыбина показано въ 3-хъ поляхъ на 11 тяголъ 448 дес. господской, 10 дес. общественной (для магазиновъ) и крестьянской 772 д. удобной и 75 неудобной, а всего въ Болдинѣ—1320 д. удобной и 75 неудобной.

Кромѣ хлѣбопашества жители с. Болдина занимались приготовленіемъ чернаго поташа изъ золы сорныхъ травъ и соломъ (до 20 домовъ, изъ нихъ 2 дома бѣлили поташъ).

Промышленность эта, прежде довольно прибыльная, къ 50-мъ годамъ значительно упала, по причинѣ дешевизны поташа, и сейчасъ ведется въ небольшихъ размѣрахъ. Золу крестьяне большею частью погупали на своихъ базарахъ (базаръ былъ по воскресеньямъ), куда его привозили окрестные жители. Въ теченіе года въ Болдинѣ приготавлилось поташу до 600 пуд. на 600 р. сер.

Нѣкоторые крестьяне плотничали по окрестности, до 10 чел. занимались еще постройкой мельницъ. Но главный промыселъ болдинскихъ крестьянъ, какъ и въ настоящее время, былъ санный. Зимой почти все село работало крестьянскія сани на крестьянъ села Силина—изъ ихъ матеріала, получая деньги за работу впередъ; наконецъ, 3 дома занимались торговлей на базарахъ, а нѣкоторые пчеловодствомъ въ очень впрочемъ, скудныхъ размѣрахъ. Въ „спискѣ“ показанъ между прочимъ 1 господскій (но неизвѣстно чей) пчельникъ въ 150 пней.

Въ 1853 году въ Болдинѣ находилось два господскихъ деревянныхъ дома со службами и проч. строеніемъ—г. Зыбина и наслѣдниковъ Пушкина. Это былъ тотъ самый Пушкинскій домъ, въ которомъ, по замѣчанію составителя „списка населенныхъ мѣстъ“,—„жилъ А. С. Пушкинъ нѣсколько времени и обработывалъ исторію Пугачевского бунта“. У cadaго владѣльца было по скотному двору и по гумну, а у Зыбина, кромѣ того, кирпичный заводъ и 2 запасныхъ магазина.

Изъ мелкихъ промышленныхъ заведеній въ Болдинѣ показаны 3 постоянныхъ двора, 13 вѣтряныхъ мельницъ крестьянскихъ, 20 поташныхъ заводовъ и 2 бѣлильныя печи.

Селцо Кистенево (Темяшево⁶⁾ тожъ), сосѣднее съ Болдинымъ, въ пограничномъ сергачскомъ уѣздѣ, при р. Чекѣ, впадающей въ Пяну, расположено на улицахъ, которыя носили особыя названія: Самодуровка, Кривулица, Стрѣлецкая и Бунтовка.

Уже наружный видъ жилыхъ построекъ ясно говорилъ постороннему

взору, что кистеневскіе крестьяне, какъ и большинство помѣщичьихъ крестьянъ, жили въ большой нуждѣ, черно и грязно, только, $\frac{1}{4}$ крестьянскихъ домовъ были покрыты тесомъ на два ската и топились „по бѣлому“, а остальные $\frac{3}{4}$ представляли изъ себя подслѣповатыя курныя избенки, крытыя соломой.

Въ 1850-хъ гг. въ Кистеневѣ числился 161 дворъ; въ 30-хъ годахъ⁷⁾, т. е. въ ту пору, когда здѣсь бывалъ А. С. Пушкинъ, здѣсь жило 523 мужч. и 538 женск. пола крестьянъ; число это почти не измѣнилось къ 50-мъ годамъ, ко времени 9 ревизіи; по этой послѣдней въ Кистеневѣ—559 мужч. и 539 женщ.

Въ „спискѣ населенныхъ мѣстъ“ Кистенево показано, какъ часть прихода с. Болдина. Вѣроятно, оно было выслено сюда „по господскому велѣнію“ за самодурство и бунты; не даромъ улицы Кистенева получили столь характерныя наименованія, какъ „Самодуровка“ и „Бунтовка“. Намъ думается при этомъ, что этотъ опальный поселокъ былъ образованъ дѣдомъ поэта—Л. А. Пушкинымъ. Въ Болдинѣ онъ самъ жила и, какъ человѣкъ, отличался, по свидѣтельству А. С. Пушкина, крутымъ и вспыльчивымъ характеромъ.

Все населеніе Кистенева, какъ и въ Болдинѣ, было русское, православное; при Кистеневѣ было 1454 дес. удобной земли; крестьяне состояли „на оброкѣ“ (въ началѣ 50-хъ гг.); кромѣ хлѣбопашества они были заняты выдѣлкою рогожъ. Мочало получали изъ симбирской губерніи изъ-за Суры. Каждый домъ выдѣлывалъ въ годъ до 500 паръ рогожъ, слѣдовательно—вся деревня вырабатывала въ годъ до 80000 паръ или 160000 шт. рогожъ; послѣднія сбывались въ Арзамасѣ и въ Саратовѣ, въ первомъ по 12, а во второмъ—по 15 р. серебромъ за сотню. Такимъ образомъ, если положить среднюю продажную цѣну въ 13 р.—общая сумма производительности кистеневскихъ рогожниковъ простиралась до 10400 р. въ годъ; нѣкоторые изъ крестьянъ по зимамъ работали и парные кули для Лыскова. Весною значительная часть крестьянъ уходила на Волгу въ бурлаки, въ оренбургскія степи гуртовщиками и въ самарскую—жать пшеницу.

Въ Кистеневѣ, какъ мы уже замѣтили, находилась вотчинная контора и небольшой деревянный господскій домъ. „Въ немъ жилъ А. С. Пушкинъ, когда пріѣзжалъ сюда на охоту изъ Болдина“, гдѣ жилъ въ 1830 году⁸⁾. Въ „спискѣ населенныхъ мѣстъ“, которымъ мы пользуемся, Кистенево показано имѣніемъ „наслѣдниковъ камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина“.

Намъ извѣстна еще одна деревня Пушкиныхъ въ приходѣ с. Болдина, въ лукояновскомъ уѣздѣ—Львово (или Львовска); деревня эта уже болѣе поздняяго происхожденія, чѣмъ Кистенево; по „списку населенныхъ мѣстъ“ она показана „выселенною изъ с. Болдина въ 1837 г.“, вѣроятно она выдѣлена была уже послѣ смерти поэта, какъ часть владѣнія, брату его Льву Сергѣевичу Пушкину, можетъ быть самимъ Львомъ Сергѣевичемъ, который наименовалъ ее Львовкой; въ ней всего было (въ 53-мъ году) два порядка и 58 дворовъ съ населеніемъ по 8 ревизіи—140 мужч. и 147 женщ.; избы всѣ черныя, крыты соломой; крестьяне были на запашкѣ: господской запашки въ 3-хъ поляхъ на 70 тяголъ было 280 дес.; общественной (подъ магазиномъ) 15 дес. и крестьянской 350 дес. удобной и 5 дес. неудобной, а всего 650 дес.; здѣсь былъ „скотный дворъ“, гдѣ находилось до 100 головъ скота, господское гумно съ ригами, но никакихъ барскихъ построекъ не было. Жители—коренные земледѣльцы и лишь немногіе перенесли сюда болдинское ремесло, но за имѣніемъ своего дѣда уходили работать сани въ ардатовскій уѣздъ, симбирской губерніи.

Мѣстность, какъ мы уже замѣтили, глухая, степная, безлѣсная; широкія поля лишь кое-гдѣ пересѣкаются небольшими порослями и рощицами изъ дубняка и осинника.

Въ нижегородскихъ вотчинахъ никто изъ предковъ А. С. Пушкина, за исключеніемъ его дѣда Льва Александровича Пушкина, не жила. Родной дѣдъ поэта, Левъ Александровичъ несомнѣнно жилъ здѣсь, въ Болдинѣ; на это есть прямое указаніе въ письмахъ самого А. С. Пушкина. Въ „родословной Пушкиныхъ и Ганибаловъ“ А. С. Пушкинъ изображаетъ своего дѣда человѣкомъ съ пылкимъ и жестокимъ характеромъ, приводитъ даже примѣры его жестокости; его первая жена „умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ“. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ Болдинѣ, по крайней мѣрѣ самъ А. С. Пушкинъ относитъ расправу съ учителемъ къ болдинскому дому. Живя въ Болдинѣ, въ 1830 году и томимый невольной (благодаря холерѣ) разлукой съ своей невѣстой Н. Н. Гончаровой,—А. С. Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ ней (въ сентябрѣ 1830 г.), между прочимъ, пишетъ: „только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ)“⁹⁾.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, жилъ безвыѣздно въ Москвѣ—жилъ широко и открыто, вращаясь въ избранномъ свѣтскомъ столичномъ обществѣ.

Онъ терпѣть не могъ деревни и въ такія дальнія вотчины, какъ Болдино, никогда не заглядывалъ, предоставляя хозяйничать тамъ управляющимъ и бурмистрамъ. Это обстоятельство и вело, главнымъ образомъ, имѣнія къ раззоренію.

Во владѣніи С. Л. Пушкина въ нижегородской губерніи къ 1830 году состояло: селцо Кистенево, гдѣ было 476 душъ и половина с. Болдина въ 564 душъ; другая половина Болдина находилась во владѣніи брата его Василія Львовича.

Часть Василія Львовича Пушкина была давно заложена въ опекуновомъ совѣтѣ и запутана въ такихъ крупныхъ долгахъ, что по смерти его (въ августѣ 1830 г.) никто изъ наслѣдниковъ, даже А. С. Пушкинъ, сильно дорожившій родовыми помѣстьями, не рѣ-

³⁾ „Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С.... Ты красавица, бой-баба, а она—шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы графъ Шереметевъ сталъ отягивать у меня кистеневскихъ моихъ мужиковъ“. (См. письма А. С. Пушкина).

⁴⁾ Списки населенныхъ мѣстъ (рукописные).

⁵⁾ А. С. Гацискій. „Нижегор. сборникъ“ т. IV.

⁶⁾ Въ дѣлѣ объ описи Кистенева (см. ниже)—Тимошево. (См. ниже).

⁷⁾ По 8-й ревизіи.

⁸⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ, сост. статистич. экспед. (рукописный).

⁹⁾ См. соч. А. С. Пушкина, изд. Лит. фонда, т. VII.

шился взять на себя это имѣніе; въ 1835 г. оно было продано съ торговъ и отошло къ Зыбинымъ.

Имѣніе С. Л. Пушкина также знакомо было съ опекой; часть Кистенева еще въ 20-хъ годахъ была заложена по займамъ въ довольно крупной суммѣ и въ нашихъ архивахъ сохранилось нѣсколько дѣлъ о взысканіи съ С. Л.-ча долговъ и процентовъ за нижегородскія деревни¹⁰⁾.

Болдинскимъ имѣніемъ, ко времени пріѣзда сюда А. С. Пушкина (въ 1830 г.), заправлялъ крѣпостной человѣкъ Пушкиныхъ М. К.—въ; при постоянномъ отсутствіи владѣльца отсутствовалъ, конечно, и контроль надъ хозяйствомъ, и М. К.—въ, по словамъ Л. Павлицева, кончилъ тѣмъ, что самъ разбогатѣлъ¹¹⁾.

Хозяйство, при заочномъ управленіи, было запущено и запутано до такой степени, что въ немъ трудно было и разобраться. Достаточно сказать, что отправившійся сюда въ 30-хъ г.г., по просьбѣ А. С. Пушкина, нѣкто Р., честный нѣмецъ,—едва ознакомился съ состояніемъ хозяйства болдинскаго, пришелъ въ ужасъ и бѣжалъ отсюда.

Смѣна бурмистровъ не вела ни къ чему: одинъ стоилъ другого, и каждый умѣлъ пользоваться отсутствіемъ контроля и полнымъ произволомъ надъ безответнымъ крѣпостнымъ крестьянствомъ.

Сюда то, въ нижегородскія палестины, судьба и [закинула нашего поэта.

Получивъ въ 1830 г., послѣ помолвки съ Н. Н. Гончаровой часть болдинскаго имѣнія въ свое владѣніе, А. С. Пушкинъ счелъ за лучшее, въ виду запущенности имѣнія и хозяйства, побывать здѣсь лично, чтобы принять и оцѣнить выдѣленную ему часть. Онъ собрался въ дорогу въ самомъ концѣ августа 1830 года и поѣхалъ черезъ Москву и Нижній на перекладныхъ, по безобразнѣйшей дорогѣ. „Представьте себѣ,—писалъ онъ по пріѣздѣ въ Болдино Н. Н. Гончаровой,—представьте себѣ окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ—дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами.

А. С. Пушкинъ прибылъ въ Болдино въ первыхъ числахъ сентября. Послѣ столичной сутолоки, послѣ передрагъ и непріятностей, пережитыхъ имъ передъ отъѣздомъ, при прощаніи съ Гончаровыми, „болдинская глушь“ показалась ему чуть не раемъ. „Что за прелесть дѣлать деревня, писалъ онъ П. А. Плетневу отъ 9 сентября. Вообрази, степь, да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душей угодно, пиши дома, сколько вздумается: никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины—и прозы и стиховъ“. И Пушкинъ, какъ мы увидимъ, сдержалъ свое обѣщаніе. Правда, онъ ѣхалъ сюда ради устройства хозяйственныхъ дѣлъ, но его-ли артистической натурѣ было отдаваться сухимъ практическимъ выкладкамъ и соображеніямъ? На дворѣ стояла любимая имъ пора—„очаровательная“ осень съ своею „чудною прощальною красой“, онъ чувствовалъ въ себѣ особый, ему только свойственный осенній подъемъ духа и еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы писалъ Плетневу: „Сейчасъ ѣду въ Нижній, въ Лукьяновъ, въ с. Болдино. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ“. Онъ откровенно признавался при этомъ, что предстоявшія хлопоты по имѣнію и приданому ему не очень пріятны, и опасался, что онъ отнимутъ у него свободное время и душевное спокойствіе, безъ которыхъ ничего нельзя произвести.

Но, при первомъ же знакомствѣ съ болдинскимъ имѣніемъ, выяснилось, что выдѣленная ему земля не составляетъ особаго имѣнія, какъ онъ предполагалъ, а лишь часть деревни изъ 500 душъ и нужно было приступить къ раздѣлу. Это непредвидѣнное

¹⁰⁾ Изъ архивнаго „дѣла объ описи имѣнія г. Пушкина 1837 г.“ (№ 359) видно, что Кистеневъ (часть въ 100 душъ) было заложено Сергѣемъ Львовичемъ Пушкинымъ по займамъ изъ сохранной кассы отъ 10 іюля 1828 г.—20000 р. и отъ 10 ноября 1831 г.—5000 р. Въ октябрѣ 1837 г. опекунскій совѣтъ потребовалъ съ заемщика или, въ случаѣ его отсутствія, съ заложеннаго имѣнія, уплаты капитальнаго долга и процентовъ—2420 рублей, предписавъ губернскому правленію, въ случаѣ неплатежа денегъ, произвести опись „заложеннаго имѣнія 100 душъ мужска пола и женска, съ женами и дѣтьми ихъ, со внуками обою пола, съ наличными и бѣглыми и со всѣми къ нимъ принадлежностями, со всѣми ихъ и господскимъ строеніемъ, съ пожитками и со скотомъ, съ пашенною и непашенною землею, съ лѣсами, сѣнными покосами и всякими угодіями... не изъема ничего, но все безъ остатка“. Требованіе спеки захватило контору въ расплату; господскихъ суммъ на лицо не оказалось; пришлось спѣшно добывать; какъ и гдѣ добыли деньги—не извѣстно, но требуемая сумма земскимъ Батраковымъ была въ январѣ 1838 г. вручена непремѣнному дворянину застѣдателю Злецову, который и сгослалъ ее въ губернское правленіе.

Послѣ взноса денегъ имѣніе было исключено изъ описи и опекунаго управленія и отдано „въ первобытное распоряженіе“ владѣльца, но числилось, однако, „въ залогъ и подъ запрещеніемъ“ до полной уплаты долга.

¹¹⁾ Л. Павлицевъ. Изъ семейной хроники—справ.

обстоятельство значительно осложняло дѣло и требовало слишкомъ продолжительнаго времени. А. С. Пушкинъ счелъ за лучшее не вдаваться пока въ подробные хозяйственные расчеты, а самъ, „стѣсняемый лирическимъ волненіемъ“, среди сельской тишины и полного уединенія, съ жаромъ отдавался литературному творчеству.

Онъ поселился въ Болдинѣ, въ дѣдовскомъ домѣ. Это былъ, по словамъ сторожильовъ, небольшой одноэтажный домъ, съ деревянной крышей, съ чернымъ дворомъ и службами, обнесенный мелкимъ дубовымъ частоколомъ. Кругомъ дома былъ пустырь: ни цвѣтниковъ, ни сада; невдалекѣ отъ дома находился только небольшой прудъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ „Пильники“, да видѣлись два-три деревца, изъ которыхъ теперь сохранилось развѣ одно—огромный, могучій, многолѣтній вязъ. За оградой усадьбы, невдалекѣ (на мѣстѣ нынѣшнихъ пожарныхъ сараевъ) стояла вотчинная контора; противъ нея, на площади высилась церковь... Изъ оконъ дома открывался унылый видъ на крестьянскія соломенные избы. Для полноты описанія мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ болдинскаго стихотворенія А. С. Пушкина „Шалость“. Кстати сказать,—это одно изъ немногихъ стихотвореній А. С. Пушкина, предварившихъ некрасовскую музу:

....Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скать отлогіи,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темныя лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца сидятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея...
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ; несетъ подмышкой гробъ ребенка,
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, и церковь отворилъ:
Скорѣй, ждате некогда, давно-бы ужъ схоронили.

Сѣреный пейзажъ, тусклая деревенская жизнь, съ ея безцельной исходной нуждой и горемъ—вотъ что ежедневно виѣлъ поэтъ предъ своими глазами и наблюдалъ изъ оконъ дѣдовскаго дома.

Изъ разспросовъ болдинскихъ старожильовъ объ образѣ жизни А. С. Пушкина въ Болдинѣ мы узнали немного.

Одинъ изъ нихъ, 100-лѣтній старикъ, Михайло Ивановичъ Сивохинъ, хорошо помнитъ, что курчавый баринъ, Александръ Сергѣевичъ, каждый день ѣздилъ верхомъ въ сосѣдніе Казаринскіе кусты и кистеневскую рошу и записывалъ, „какія мѣстамъ званья, какіе лѣса, какія травы растутъ“; каждый день, по словамъ Сивохина, барину готовили кадушку теплой воды; это была импровизированная ванна.

Если предположить, что А. С. Пушкинъ въ 1830 г. проводилъ время въ Болдинѣ такъ же, какъ и въ другіе его пріѣзды сюда, то мы имѣемъ цѣнное указаніе въ его письмахъ къ женѣ изъ Болдина въ 1833 г. „Ты спрашиваешь меня, какъ я живу и похорошѣлъ-ли? Во-первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; усь да борода—молодцу похвала; выду на улицу—дядюшкой зовутъ; во 2) просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей и лежу до 3-хъ часовъ¹²⁾. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5—въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо“.

А. С. Пушкинъ велъ въ Болдинѣ замкнутую жизнь и почти никуда, кромѣ прогулокъ верхомъ, не ѣздилъ. Какъ барину—помѣщику, ему приходилось иногда принимать челобитныя отъ крестьянъ и выслушивать ихъ просьбы и жалобы; крестьяне величали его при этомъ титуломъ: „ваше здоровье“ и Пушкинъ находилъ, что это „титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значать“. О его писательствѣ доходила молва и въ провинціальную глушь, но слава писательская понималась здѣсь довольно своеобразно. „Знаешь-ли что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ?“ писалъ А. С. Пушкинъ женѣ въ 1833 г. Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ, передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начинаетъ писать“.

Въ Болдинѣ А. С. Пушкинъ предполагалъ пробить не долго, не болѣе мѣсяца, но особая исключительная обстоятельства задержали его здѣсь на всю осень до 5-го декабря. Въ этотъ годъ Россію посѣтила холера—гостя, въ ту пору почти незнакомая и потому особенно страшная; ее смѣшивали даже съ чумой... Еще ранѣе августа въ Москвѣ ходили о ней тревожные слухи, но эпидемія была далеко, въ самыхъ низовьяхъ Волги, и скорого появленія ея здѣсь не ждали. Однако, предъ отъѣздомъ въ Нижній изъ

¹²⁾ Надобно замѣтить, что утренніе часы, проведенные въ постели, были творческими часами Пушкина.

Москвы Пушкин уже получил известие, что холера перебралась в саратовскую губернию, а отъехав двѣ станции отъ Москвы узналъ, что холера в Нижнемъ. „Я добѣжалъ, говорить Пушкинъ, съ равнодушіемъ, коимъ обязанъ пребыванію моему среди азиатцевъ. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и известныя предосторожности“. 1-го сентября въ Нижнемъ былъ первый случай заболѣванія холерой на ярмаркѣ. А. С. Пушкинъ захватилъ ярмарку въ переполохѣ. „Бѣдная ярмарка!“ замѣчаетъ онъ; „она бѣжала, разбросавъ вполвину свои товары, не успѣвъ сосчитать свои барыши“. Вернуться въ Москву показалось малодушіемъ и Пушкинъ отправился далѣе, въ Болдино. Къ этому времени подоспѣло распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ графа Закревскаго объ опфленіи губерніи 14-дневными порубежными карантинами и внутренними аванпостами или заставами, съ строжайшимъ предписаніемъ никого не впускать и не выпускать изъ опфленныхъ мѣстъ безъ особаго разрѣшенія и обсервации. Тутъ и тамъ по нижегородской губерніи стали устанавливаться заставы и карантинныя, и Пушкинъ не успѣлъ оглядѣться, какъ очутился запертымъ въ Болдинѣ чуть не со всѣхъ сторонъ.

„Мы окружены карантинами, сообщаетъ онъ изъ Болдина Н. Н. Гончаровой, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злосю“. Лично Пушкинъ не страшился холеры и даже подшучивалъ надъ ней въ своихъ первыхъ письмахъ изъ Болдина.

„Около меня холера—морбустъ, писалъ онъ Плетневу. Знаешь-ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаеъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василию отираюсь, а ты и пиши мою біографію“.

Онъ предохранялъ себя отъ холеры единственно разумнымъ воздержаніемъ въ пищѣ; системъ карантиннаго опфленія онъ не придавалъ рѣшительно никакого значенія, видя въ ней одно стѣсненіе для народа. Неурядица повсюду была невообразимая, каждый шагъ обывателя былъ обставленъ „бумажными“ предписаніями. Карантиннымъ комиссарамъ было указано постоянно объѣзжать свои участки и наблюдать, чтобы нигдѣ не собирались жители толпами, не пьянствовали, не выходили на улицу босикомъ или въ однихъ рубашкахъ, чтобы съ 7 часовъ вечера никто, кромѣ сторожей, не ходилъ по улицамъ, этотъ часъ установлено было возвѣщать съ колоколенъ троекратнымъ протяжнымъ звономъ; если бы въ ночное время оказался въ домѣ заболѣвшій, хозяинъ дома обязанъ былъ вывѣсить на улицѣ фонарь, а за неимѣніемъ его—открыть ставню и поставить на окно свѣчу; это былъ условный знакъ о новомъ случаѣ заболѣванія.

Черезъ холерные комитеты въ города и уѣзды были разосланы особые „объявленія“, съ изложеніемъ подробнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ совѣтовъ объ охраненіи себя отъ холеры. Совѣты эти, за краткостью настоящей статьи, мы здѣсь не приводимъ; Пушкинъ довольно мѣтко свелъ ихъ къ тремъ главнымъ положеніямъ: „купаться въ хлоровой водѣ, пить мяту и, по приказанію графа Закревскаго, не предаваться унынію“. Эти же подробные профилактические совѣты дали Пушкину матеріалъ сочинить болдинскимъ мужикамъ проповѣдь о холерѣ, отъ которой, по его же отзыву—можно „умереть со смѣху“. Проповѣдь эта до насъ не дошла.

Намѣтивъ возвратиться въ Москву въ первыхъ числахъ октября, А. С. Пушкинъ, среди хлопотъ и занятій, въ первое время, кажется, не видѣлъ въ карантинѣхъ и заставахъ серьезныхъ для себя препятствій; но онъ почувствовалъ на себѣ всѣ эти карантинныя прелести, когда сдѣлалъ первую попытку выѣхать изъ Болдина въ началѣ октября. Оказалось, что до Москвы учреждено 3 карантина и 14 заставъ. „Богъ вѣсть, писалъ онъ П. А. Осиповой,—сколько мѣсяцевъ я долженъ употребить на проѣздъ 500 верстъ, которая въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ“. Узнавъ, что по ходатайству выдають свидѣтельства на свободный проѣздъ или на сокращенный срокъ карантина, онъ написалъ о томъ въ Нижній; такъ какъ Болдино не было заражено, то ему отвѣтили, что свидѣтельство будетъ выдано ему въ Лукояновѣ.

Но къ этому времени подоспѣло новое распоряженіе графа Закревскаго, коимъ объявлялось, что всѣ проживающіе въ губерніи дворяне, на время существованія эпидеміи, состоятъ на службѣ по принятію мѣръ къ пресѣченію холеры и каждый изъ нихъ обязанъ занять то мѣсто, какое ему назначится отъ холернаго комитета или представителя дворянства. Въ списокъ дворянъ лукояновскаго уѣзда угодили и А. С. Пушкинъ; онъ и не думалъ, что его ждетъ новый сюрпризъ. Онъ прибылъ въ Лукояновъ за свидѣтельствомъ на проѣздъ, но вмѣсто этого получилъ назначеніе—окружнымъ инспекторомъ надъ карантинами.

Онъ бы охотно готовъ былъ принять эту должность, если-бы

не узналъ, что холера въ Москвѣ, гдѣ жили Гончаровы. Онъ подаетъ жалобу губернатору, а самъ скачетъ на почтовыхъ до перваго карантина, во владимірской губерніи. Инспекторъ карантина, узнавъ, что онъ ѣдетъ не по казенной, а по своей, хотя и „самонужнѣйшей“ надобности, поворотилъ его назадъ въ Лукояновъ, сообщивъ, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ уже около 3-хъ недѣль. „Нечего дѣлать,—пишетъ Пушкинъ, ѣду назадъ въ Лукояновъ, требую свидѣтельства, что ѣду не изъ-заумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ-ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной—сижу въ Болдинѣ, да кисну“. Со времени этихъ мытарствъ, и самая прелесть—деревня Болдино, становится для поэта „несноснымъ островкомъ“, который онъ въ шутку именовать „Патмосомъ“, и нижегородская глушь—превратилась „въ страну грязи, чумы и пожаровъ“. Его недовольство холерой, разстроившей планъ скораго свиданія съ невѣстой, рѣзкою нитью проходитъ въ его болдинскихъ письмахъ къ друзьямъ и Н. Н. Гончаровой. Онъ приходилъ иногда въ положительное отчаяніе. „Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился покинуть васъ и пуститься въ эту прелестьную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это... Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума съ ея карантинами,—развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать?“.

„Передо мной теперь географическая карта,—пишетъ Пушкинъ въ другомъ письмѣ къ Н. Н. Гончаровой,—я смотрю, какъ бы дать крюку и приѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ. Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ не крюкъ, а ѣхать прямо въ Москву—значитъ семь верстъ кисела ѣсть (да еще какого? Московскаго!). Вотъ по истинѣ плохая шутка“.

Томительное и безуспѣшное ожиданіе ежедневнаго отъѣзда въ Москву было чрезвычайно мучительно для поэта. Порой на него находила безотчетная тоска и хандра; мрачныя думы роимъ поднимались въ его воображеніи; его пугала „неопредѣленность въ своей судьбѣ“; онъ опасался, что свадьба его оттянется на долгое время, даже совсѣмъ разстроится и все счастье его рухнетъ. Но если бы этого и не случилось,—то самое будущее, скорая и рѣзкая переменъ въ его личной жизни рисовались передъ нимъ въ туманномъ призракѣ и страшали своей таинственной неизвѣстностью. И трудъ и горе, и лишенія—все это онъ предвидитъ, но счастье... будетъ-ли онъ счастливымъ и не безумно-ли мечтать объ этомъ? И не могъ онъ отдѣлаться отъ этихъ назойливыхъ думъ даже ночью. Одинъ, въ жуткой тишинѣ, въ темной комнатѣ онъ прислушивался къ однозвучному ходу часовъ, къ трепетанью свящей ночи; силился и не могъ сомкнуть глазъ...

При всемъ этомъ—онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ живыхъ умственныхъ центровъ, вокругъ него не было ни друзей, ни книгъ, ни журналовъ. Приходилось пробавляться „Кольриджемъ“ да „Московскими Вѣдомостями“.

Онъ несказанно былъ радъ каждой доходящей до него вѣсточкѣ, каждому письму, хотя бы проколотому. „Простираю къ вамъ руки, писалъ онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ Погодину, и вопію голосомъ велимъ: пошлите мнѣ слово живое ради Бога“. Въ своемъ невольномъ заточеніи, въ тягостной разлукѣ съ невѣстой и друзьями, А. С. Пушкинъ только и отдыхалъ за бумагой, отдавая творчеству съ рѣдкимъ, небывалымъ одушевленіемъ. Осень 1830 г., проведенная въ Болдинѣ, была дѣйствительно плодотворной. Насколько усиленно занимался здѣсь А. С. Пушкинъ литературнымъ трудомъ, можно судить по его письмамъ къ бар. Дельвигу въ шутиломъ тонѣ въ ноябрѣ 1830 г.:

„Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замѣкъ твою, литературный геній, пѣсни трубадуровъ не умолкнуть никогда“.

Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, А. С. Пушкинъ сообщаетъ и перечень написаннаго имъ въ Болдинѣ:

„Скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (въ Москву): двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовы въ печать; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретно, для тебя единого): написалъ я прозою пять повѣстей“¹³⁾. Въ этомъ перечнѣ

Пушкина пропущена еще „Лѣтопись с. Горохина“, вѣроятно потому, что по первоначальному плану поэта она должна была служить вступлениемъ къ повѣстямъ Бѣлкина.

Въ концѣ ноября А. С. Пушкинъ, наконецъ, выбрался въ Москву, отсидѣвъ, однако, установленный срокъ въ Платовскомъ карантинѣ. Къ этому времени онъ успѣлъ записаться свидѣтельствомъ на залогъ имѣнія въ опекуномъ совѣтѣ.

Здѣсь, въ Москвѣ, въ скоромъ времени (18 февраля 1831 г.) состоялась и его свадьба.

Спустя два-три года послѣ женитьбы, нижегородское имѣніе дѣлается предметомъ новыхъ усиленныхъ заботъ А. С. Пушкина. Первые порывы семейнаго счастья довольно скоро смѣнились для него самой тусклой обыденщиной... Положеніе отцовскихъ дѣлъ по имѣнію было до чрезвычайности запутано. А. С. Пушкинъ заставлялъ иногда весь домъ въ слезахъ: вмѣстѣ съ тѣмъ и лично для него самого назрѣвалъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи своего семейства въ будущемъ. Годовой бюджетъ его возросъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, а условія для литературнаго творчества были теперь менѣе благоприятны, чѣмъ прежде. Имѣнія отца въ псковской и нижегородской губерніяхъ требовали для своего упорядоченія громадныхъ трудовъ и затратъ. Какъ нивелики были суммы, получаемыя А. С. Пушкинымъ за литературный трудъ сверхъ щедрыхъ царскихъ наградъ, однако и онѣ тонули въ морѣ долговъ отца, брата и его личныхъ. Чтобы успокоить старость отца и помочь роднымъ, А. С. Пушкинъ рѣшилъ взять въ свое управленіе сначала Болдинское, а потомъ и остальные имѣнія отца. Это обстоятельство отчасти и побудило его еще два раза побывать въ Болдинѣ, на очень, впрочемъ короткій срокъ: въ 1833 году онъ пробылъ здѣсь мѣсяца полтора¹⁴⁾, а въ 1834 г. — около полумѣсяца¹⁵⁾. Но была и другая, болѣе глубокая причина, заставлявшая его искать уединенія. „Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се, — писалъ онъ въ началѣ 1833 г. П. В. Нащокину: заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга... Кружусь въ свѣтѣ... все это требуетъ большихъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ трудъ, а трудъ требуетъ уединенія... Лѣтомъ съѣзжу въ Нижній да можетъ быть въ Астрахань“. Въ это время А. С. Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, усиленно занятъ мыслію о составленіи полной исторіи Петра Великаго; натолкнувшись случайно на матеріалы о Пугачевскомъ бунтѣ, онъ заинтересовался ими настолько, что рѣшилъ лично посѣтить казанскую и оренбургскую губерніи съ тѣмъ, чтобы потомъ удалиться въ Болдино для приведенія въ порядокъ всѣхъ собранныхъ имъ матеріаловъ; въ августѣ 1833 года онъ взялъ отпускъ и 2 сентября, проѣздомъ въ Казань, посѣтилъ Нижній. Городъ произвелъ на него довольно пріятное впечатлѣніе; улицы широкія и хорошо мощеныя, дома хорошей постройки. У мѣстнаго губернатора, кн. Бутурлина, онъ встрѣтилъ радушный пріемъ и на другой день обѣдалъ.

Ярмарка уже кончалась, но Пушкинъ все же побывалъ на ней, побродилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Въ Болдино онъ прибылъ на обратномъ пути изъ оренбургской и казанской губерній 1 октября. Въ теченіи мѣсяца, проведеннаго здѣсь, онъ успѣлъ привести въ порядокъ свои записки о Пугачевѣ, создалъ одну изъ лучшихъ своихъ сказокъ. — „Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ“, затѣмъ „Воеводу“, „Будрысь и его сыновья“, и кончилъ „Мѣднаго всадника“. Въ общемъ однако, осень 1833 г. была не столь производительна, какъ первая болдинская осень: стихи его пока спали. Въ послѣдній, самый кратковременный пріездъ свой въ Болдино, Пушкинъ совсѣмъ ничего не писалъ: онъ весь поглощенъ былъ хозяйственными и семейными заботами.

Управленіе имѣніемъ не доставило ему ничего, кромѣ горькихъ попрековъ, передрагъ и непріятностей. „Вы не можете вообразить, писалъ онъ г. Осиповой въ 1835 году, — какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ (Болдино). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня впадетъ въ крайность. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ раззоренія: если бы они могли рѣшиться пробить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться, но этого никогда не будетъ“.

Но само Болдино, далекая деревенская глушь, было ему по душѣ. Не даромъ всѣ пріѣзды его сюда падаютъ на любимое имъ время осень; далекая деревня манила его своей патриархальной простотой, своей идиллической тишиной; сюда не долеталъ ни шумъ надѣвшихъ балыхъ танцевъ, ни злыя сплетни враговъ:

здѣсь можно было вволю поработать сколько душѣ угодно: и Пушкинъ не разъ подумывалъ о томъ, чтобы „бросить Петербургъ, подать въ отставку, да удрать въ Болдино — жить бариномъ“. Это намѣреніе его не осуществилось только потому, что попытка подать въ отставку и „сбросить камеръ-юнкерскій мундиръ“ не удалась; онъ принужденъ былъ отъ нея отказаться, чтобы не навлечь на себя крупныхъ непріятностей. Болдино не видало больше у себя поэта.

Въ 1835 г., по предложенію А. С. Пушкина, относительно Болдина и Кистенева состоялось взаимное соглашеніе наследниковъ: одна пол. Кистенева была отдана Льву Серг., другая осталась за А. С. Пушкинымъ, а Болдино отходило къ С. Льву (отцу поэта). Доходъ со всей своей части Кистенева А. С. Пушкинъ уступилъ своей сестрѣ Ольгѣ Серг. (Павлицевой) съ тѣмъ, чтобы она получала доходы и платила проценты въ ломбардъ. Этимъ мы и заканчиваемъ свое бѣглое обзорѣніе виѣшнихъ фактовъ и обстоятельствъ, связанныхъ съ пребываніемъ А. С. Пушкина въ Болдинѣ.

Болдинскій періодъ оставилъ глубокий слѣдъ въ литературно-поэтической дѣятельности нашего великаго поэта, въ цѣломъ рядѣ прекраснѣйшихъ его произведеній, списокъ которыхъ мы приводимъ особо. Съ этой стороны значеніе Болдинскаго періода выяснено въ нашей литературѣ достаточно и повторять этого мы не будемъ. Мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что пребываніе А. С. Пушкина въ Болдинѣ, въ непосредственной близости съ деревенской жизнью, играло, быть можетъ, не послѣднюю роль въ томъ переломѣ, какой отмѣчается въ общемъ направленіи литературной дѣятельности его въ 1831 г., когда въ немъ обнаружилось явное стремленіе къ эпосу, опредѣлившее всю его дальнѣйшую поэтическую дѣятельность.

А. И. Звѣздинъ.

Списокъ художественныхъ произведеній А. С. Пушкина, написанныхъ имъ въ Болдинѣ.

1830 г.

Сентября	8.	„Безумныхъ лѣтъ утѣшнее веселье“... (Элегія).
„	14.	„Станціонный смотритель“.
„	20.	„Барышня-крестьянка“.
„	25.	Кончена восьмая глава „Евгенія Онѣгина“.
Сентября	или октября 7	„Вѣсы“ и „Пажъ или пятнадцатый годъ“.
Октября	1.	„Шалость“ (Румяный критикъ мой).
„		„Октябрь ужъ наступилъ“. Отрывокъ. (Помѣч. „Осень“).
„	5 (8).	„Разставаніе“.
„	9.	„Гробовщикъ“.
„	10.	„Домикъ въ Коломнѣ“.
„		— Изъ записокъ къ пріятелю. (Куда же ты?)...
„	12.	„Выстрѣлъ“.
„	14.	„Моя родословная или русскій мѣщанинъ“.
„	17.	„Стамбуль гяуры нынче славятъ“...
„		— „Заклинаніе“.
„	20.	„Метель“ окончена.
„	23.	„Скупой рыцарь“ оконченъ.
„	26.	„Моцартъ и Сальери“.
„	30	Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы. „Осень“ — „Пиръ во время чумы“ — „Какъ весенней теплой порою!.. (Начало сказки). — „Въ началѣ жизни школу помню я...“ — „Пью за здравіе Мери“ — „Царекосельская статуя“ — „Отрокъ...“ — „Риема“ — „Трудъ“ — „Критическія замѣтки“ — „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“ — „О приличіи въ литературѣ“ — „О драмѣ“ — „Отрывки изъ разговоровъ“ — „Альманашикъ“. (Сцены). — „Дѣтскія сказочки“.
„	31.	„Исторія села Горохина“.
Ноября	1.	„Исторія села Горохина“.
„	4.	„Каменный гость“ оконченъ. — „Я здѣсь Инезилья“ — „Предъ испанкой благородной“.
„	16.	„Предисловіе отъ издателя къ повѣстямъ Бѣлкина“.
„	2.	„Предисловіе къ восьмой и девятой главѣ Онѣгина“.
„	27.	„Для береговъ отчизны дальней“.

1833 г.

Октября	14.	„Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“.
„	28.	„Воевода“ — „Будрысь и его сыновья“.
„	29.	„Вступленіе къ Мѣдному Всаднику“.
„	30.	„Первая часть Мѣднаго Всадника“.
„	31.	„Вторая часть Мѣднаго Всадника“ — „Анджело“ — „На углу маленькой площади“.
Ноября	4.	„Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ“.

1834 г.

Сентября	20.	Помѣчена „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“.

¹⁴⁾ Прибылъ въ Болдино 1 октября.

¹⁵⁾ Съ 13 сент. до начала октября.

А. С. Пушкинъ.

(Стих. Я. П. Полонскаго *).

I.

Пушкинъ—это возрожденье
Русской Музы,—воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.

Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнью
Ихъ божествъ безъ покрывалъ,
Это—голосъ Немезиды,
Это дѣвы Эвмениды
Окровавленный кинжалъ... **)

Это—вѣщаго баяна
Струнный говоръ... свистъ Руслана...
И русалокъ голоса...
Это—арфа Серафима,
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса.

Это старой няни сказка,
Это молодости ласка,—
Огонекъ въ степной глуши...
Это—слезы умиленья...
Это—смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній,—
Пѣсню Грѣзии печальной...
Бредъ цыганки кочевой...

Слышитъ крикъ орла призывный,
Слышитъ ропотъ заунывный
Океана въ бурной мглѣ,—
Видитъ небо безъ лазури
И,—что краше волнъ и бури,—
Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное...
И разгулье удалое,—
И сердечную тоску...
Но не падаетъ усталый—
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ—правды первый лепетъ,
Первый проблескъ старины...

III.

Пушкинъ—это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей,—
Это—сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.

Это—геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій—
Сѣверъ, Западъ и Востокъ...
Это—тотъ „ничтожный міра“,
Что, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни праздної,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой,
Словно терніемъ, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...

Поэтический Мессія
На Руси, онъ, какъ Россія,—
Всеобъемлющъ и великъ...
Нынѣ мы поэта славимъ—
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ...

Я. П. Полонскій.

Памяти Пушкина.

Еще донинѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ,
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона.
А. Пушкинъ.

Меня впервые поразили
Двѣ міромъ признанныя силы:
Овидій сосланный поэтъ
На берега Эвксина въ Томи,—*)
Его божественные томы
Не знаютъ преходимость лѣтъ.
Поэта умъ горѣлъ нетлѣннымъ
Огнемъ божественнымъ, священнымъ
Въ подлунномъ мірѣ, и всегда
Имъ всѣ поэты восхищались,
Его стихами упивались.
И дни текли, и шли года,
Вѣковъ промчалось много въ Лету,
Когда явился геній свѣту,
Гонимый тоже злой судьбой
Къ тѣмъ самымъ берегамъ, гдѣ прежде
Назонъ томился въ злой надеждѣ
Увидѣть Римъ своей дорогой.
Скиталецъ тотъ былъ Пушкинъ славный,
Который на Руси державной
Стяжалъ безсмертія вѣнецъ.
Онъ во всемірномъ пантеонѣ
Горитъ какъ солнце въ небосклонѣ,
И льетъ въ тайники людскихъ сердецъ
Волной свободной и могучей
Стиховъ кристальныхъ ключъ пѣвучій,
И умиленные сердца,
Колѣна преклонивши долу,
Внимаютъ дивному глаголу.
Какъ звѣзды таинствамъ Творца.

Князь А. Звенигородскій.

*) Публий Овидій Назонъ (род. въ 43 г. до Рождества Христова, умеръ въ 17 г. по Р. Хр.),—знаменитый римскій поэтъ, авторъ *Метаморфозъ* (Превращеній) и многихъ другихъ прекрасныхъ произведеній. Былъ сосланъ въ 9 г. по Р. Хр. римскимъ императоромъ Августомъ на берега Чернаго моря (у древнихъ грековъ это море называлось Эвксинъ), въ г. Томи, гдѣ и умеръ. Объ Овидіи Пушкинъ упоминаетъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ.

Кн. А. З.

Поправка. Въ стихотвореніи А. С. Пушкина: „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ...“, помѣщенномъ въ № 3 „Ниж. Зем. Газ.“ вкрадлась досадная опечатка: напечатано „араба“, слѣдуетъ читать „арана“.

Ред.

*) Читано авторомъ въ Москвѣ, въ день открытія памятника Пушкину, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности въ 1880 въ году.

**) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Эвмениду...

Вышла из печати

— КНИЖКА —

Ч. Вѣтрихскаго.

„АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ“.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 6 коп.

Имѣется на складѣ при Отдѣленіи народнаго образованія Нижегородской Губернской Земской Управы.

ПОЛОТНЯНЫЙ МАГАЗИНЪ

ФАБРИКАНТА

М. И. СКВОРЦОВА

Н.-Новгородъ, Б. Покровка, д. Бр. Фроловыхъ.

Ярославское и Костромское полотно и столовое бѣлье, цвѣтные приборы и скатерти своего производства. Бумажныя ткани для бѣлья Морозовскихъ и другихъ фабрикъ. Цвѣтное льняное и бумажное полотно, саратовская сарпинка и батисты. Одѣяла тканье-вые и пикейныя, цвѣтныя и бѣлыя. Готовое бѣлье мужское и дамское. Строченое и шитое гладью.

Бѣлье, чулки и носки.

Цѣны фабричныя безъ запроса.

Биржевая Владимирская Артель

Правленіе въ С.-Петербургѣ, Рижскій пр., с. д. № 60.

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что ею открыто въ Н.-Новгородѣ свое представительство, помѣщающееся на Студеной улицѣ, въ домѣ № 54.

Контора представительства открыта ежедневно съ 12 до 2 час. дня и съ 6 до 8 час. вечера.

Артель, существуя съ 1852 г. и имѣя дѣйствительныхъ членовъ свыше 1300 человекъ съ запаснымъ капиталомъ свыше 1.500.000 р., предлагаетъ свои услуги по постановленію своихъ членовъ артели на должности: управляющихъ, бухгалтеровъ, счетоводовъ, кассировъ, конторщиковъ, заведующихъ магазинами и складами, приказчиковъ и т. п. отвѣтственныхъ мѣстъ; кромѣ того артель принимаетъ на себя и товарныя работы, какъ-то: наблюденіе за товарами, приемъ и храненіе таковыхъ, нагрузку, выгрузку, вѣску и проч. и исполняетъ различныя порученія по полученію, передачѣ и храненію денежныхъ суммъ, документовъ и др. цѣнностей за полной своей отвѣтственностью.

С.-Петербургская Биржевая Владимирская Артель.

ФОТОГРАФЪ М. ДМИТРИЕВЪ.

удостоенъ золотой медали на всемирной Парижской выставкѣ 1890 года, выше награды—почетнаго диплома на Голландской всемирной фотографической выставкѣ въ г. Амстердамѣ 1895 года и золотой медали на Парижской всемирной фотографической выставкѣ по художественному отдѣлу профессиональных фотографовъ за 1892 годъ, единственной въ Россіи.

СНИМАЕТЪ моментально во всякую погоду ПОРТРЕТЫ, ГРУППЫ, ВИДЫ, ЗДАНІЯ, ЖИВОТНЫХЪ и пр.

Фотографія открыта ежедневно съ 9 час. утра до 6 ч. вечера.

Продаются:

Волжскіе виды, типы, сцены, пейзажи, виды Н.-Новгорода и ярмарки. Фотографическія открытыя письма р. Волги отъ истока до Астрахани, заводскихъ скитовъ, Серафимо-Дивѣвскаго и Понетаевскаго монастырей, а также гор. Ар-Ардатовъ и с. Павлова. Воспитанникамъ нижег. учебныхъ заведеній дѣляется скидка. ФОТОГРАФИИ: 1) въ городѣ, Верхній базаръ, Осыпная улица, д. Пальцевой; 2) на ярмаркѣ, фотографическая линія, д. Костилюновъ. Телефонъ № 34.

АРТЕЛЬ ПОРТНЫХЪ

Большакова и Сухова.

Ниж.-Новгородъ, Большая Покровка, д. мѣщанскаго о-ва, № 20. Ярмарка, Нижегород. ул., Старо-Театральные №№ Ермолаева, № 189.

Мастерская жестяныхъ и мѣдныхъ издѣлій и никкелирование
Рафаила Максимовича Лебедева.

Нижній-Новгородъ, Ильинка, д. Блинова.

За отвѣтственнаго редактора, заст. мѣсто Предсѣдателя Ниж. Губерн. Зем. Управы П. А. Демидовъ.
Тип. газ. „ВОЛГАРЬ“, Большая Ямская.

СУКОННЫЙ

И

МОДНО-МАНУФАКТУРНЫЙ

МАГАЗИНЪ.

Нижній-Новгородъ,

Рождественская улица, д.
С. М. Рукавишниковъ.

Телефонъ

11—52.

ПОСТОЯННОЕ
ПОЛУЧЕНИЕ

НОВОСТЕЙ.

Для г.г. изъгороднихъ
покупателей
ВЫСЛАЮТСЯ ОБРАЗЦЫ.

Принимаются поставки:
на земства, больницы, школы и др.
пр. учрежденія.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Вниманію учреждений мелкаго кредита кооперативовъ и потребителей обществъ.

Изъ числа окончившихъ 1-е Московскіе курсы подготовки молодыхъ писарей имѣются желающіе занять должности счетовода въ вышеупомянутыхъ учрежденияхъ. Москва, Нижне-Масловская, д. № 33.

Программы высылаются бесплатно по первому требованію.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ

Т. а. Е. Таусонъ и В. Раупертъ
(быв. Ф. Мексъ) въ Москвѣ

Самые простые, экономные
и надежные въ работѣ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

И. М. РАКОВЪ

Н. НОВГОРОДЪ, Острожная, д. Сахаровской, телеф. 3—62.

Вновь открытъ специальный полотняный магазинъ

Ф. П. ГОРЧАКОВА.

Н.-Новгородъ, Б. Покровка, д. старой Городской Управы.

Большой выборъ: ярославскаго и костромскаго **ПОЛОТНА**, скатертей, салфетокъ, платковъ, полотенецъ, простынь. Одѣяла: тканье-выхъ, пикейныхъ и плюшевыхъ; саратовской сарпинки; мужского и дамскаго готоваго бѣлья; косынки и шарфы вологодской ручной работы; строченое и гладью вышитое ручной работы бѣлье, простыни, накомодники, наволочки, накладки, полотенца и пр. и пр.

Приемъ заказовъ на военное и статское платье и формы всѣхъ учебн. завед.
Магазинъ В. Б. ЛЬСХИНА.

Изъ своего и изъ матеріала г.г. заказчиковъ. Всѣ работы исполняются подъ
моимъ личнымъ наблюденіемъ.

Малая Печерка, д. Алексѣевской церкви, № 21.